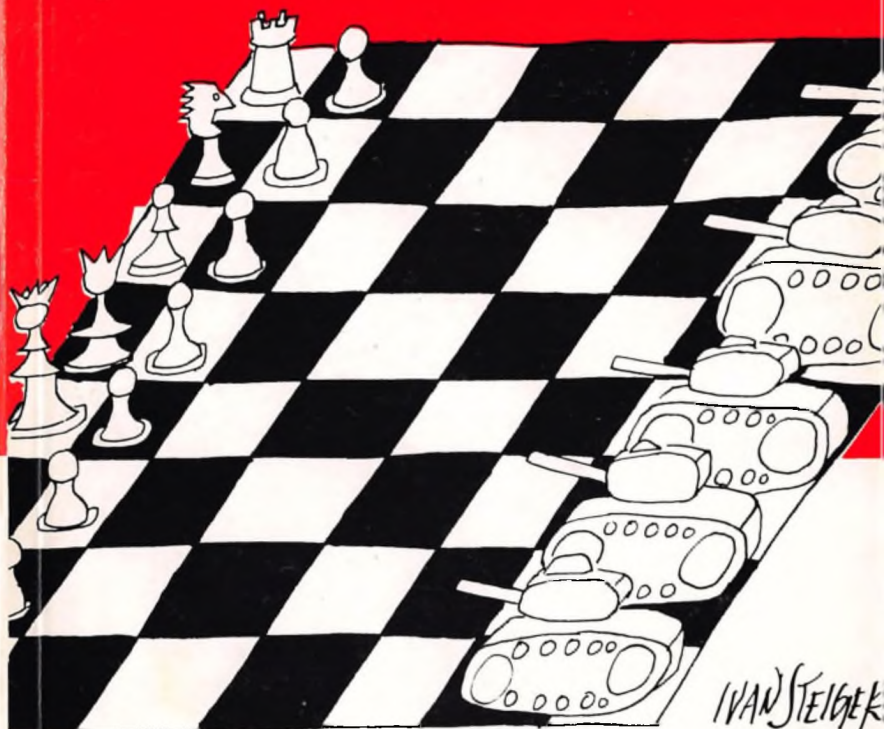

АНТИШАХМАТЫ

ВИКТОР

КОРЧНОЙ

АНТИШАХМАТЫ

ОРИ

АНТИШАХМАТЫ

Viktor Korchnoi

ANTI - CHESS

With an introduction by Vladimir Bukovsky

Overseas Publications Interchange Ltd

Виктор Корчной

АНТИШАХМАТЫ

Предисловие Владимира Буковского

Overseas Publications Interchange Ltd

Viktor Korchnoi
ANTISHAKHMATY

(in Russian)

First published in Russian in 1981
by Overseas Publications Interchange Ltd
40 Elsham Road, London W14 8HB, England

© Viktor Korchnoi, 1981
© Russian edition (1981)
Overseas Publications Interchange Ltd

All rights reserved
No part of this publication may be
reproduced or translated, in any form
or by any means, without permission.

ISBN 0 903868 34 2

Cover design by Ivan Steiger
Printed in France

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Серые начинают и выигрывают", – так озаглавил один шахматный обозреватель свой отчет о матче Карпов – Корчной, а вернее сказать, о матче Корчной – Советский Союз и его многочисленные друзья. Когда-то "Дом Свободы" в Америке выпустил карту мира, где тоталитарные страны и страны с диктаторскими режимами окрашены в черный цвет, а свободные страны оставлены белыми. К сожалению, этот оптимистический черно-белый взгляд на мир не отражает больше реальности. После десятилетия тихой капитуляции, именуемой детантом, доминирующим цветом на карте оказался серый цвет советского влияния. Мог ли знать далекий от политики Корчной, в какое пекло он попадет, выбрав удаленную и "неприсоединившуюся" страну Филиппины?

Новая книга Корчного рассказывает не столько о матче на первенство мира по шахматам, сколько о плачевном состоянии современного нам мира, по крайней мере на три четверти уже зависимо от СССР. Удивительно ли это? Понятия "честной игры" просто не может существовать в СССР, где все является политикой – будь то наука, искусство или спорт. Всякое достижение – это доказательство преимуществ социализма. Всякое поражение – это удар по престижу. А человек, пытающийся отстоять свою независимость в любой сфере, в любом вопросе – неминуемо объявляется врагом всего государства. Вся мощь Советского Союза, весь его аппарат немедленно мобилизуется на борьбу с таким отчаянным смельчаком. И с самого начала ему предстоит неравная борьба одиночки против системы. Любые средства будут оправданы, лишь бы задавить сопротивляющегося. Где уж там "честная игра".

За последние 7-10 лет несколько десятков выдающихся танцоров, ученых, писателей, музыкантов, художников, скульпторов, спортсменов так или иначе покинуло СССР. Большинство из них заявило, что причины их поступка – не политические. Им "просто" не давали заниматься своей профессией. Им "просто" надоело ежечасно лгать, лицемерить и поступаться своей совестью. Это-то и есть сейчас самое большое политическое преступление в Советском Союзе, где понятие "политика" сводится к стремлению властей всех сделать пешками в своей большой игре.

В этом смысле чемпионат мира на Филиппинах – уникальное и необычайно символическое событие. Как невозможно отстаивать Корчному свою независимость, не оказавшись политическим противником всего советского режима, так невозможно и Карпову не оказаться соучастником советских преступлений. Карпов в СССР – центральная пропагандистская фигура, фюрер коммунистической молодежи и член ЦК ВЛКСМ, личный друг кремлевских палачей. Его (как и космонавтов) тщательно подбирали из массы претендентов, перед тем как сделать чемпионом. Он должен быть образцом советской морали, воплощением идей коммунизма, непобедимым, как сама советская власть. Его анкетные данные должны быть безупречны. Конечно же, русский (а не какой-то сомнительный еврей), конечно же, из "рабочей семьи" с кристально чистой родословной и биографией. Проиграть он не может, ему не дадут. За ним – вся система с миллиардами рублей, миллионами шпионов, дипломатов и членов зарубежных компартий. Целые армии "сереньких" по всему миру. Гротескная сцена появления советской "шахматной делегации" на Филиппинах, состоящей почти из двух десятков КГБ-шников, магов, специалистов по карате и возглавляемой полковником КГБ Батуриным, вполне достойна пера Булгакова.

С другой стороны, Корчной – не только "отщепенец", "перебежчик", "изменник Родины", имя которого запрещено произносить в СССР, но еще и человек, осмеливающийся добиваться своих человеческих прав. Уже до начала игры его, так сказать, лишили нескольких фигур. Его семья держится заложниками в Советском Союзе, сын – в тюрьме. О каком-либо "юридическом равенстве сторон" и говорить смешно. Даже символической защиты Швейцарского флага он лишен под нажимом "советской стороны". Ни одна страна мира не защищает его интересов. "Свободный мир" будет рад, если Корчному удастся освободить его от советского владычества (в шахматах хотя бы), но сам для этого ничего сделать не рискнет.

Борьба Корчного – борьба одиночки против безжалостной машины угнетения, опутавшей мир, по причуде судьбы перенесена из застенков советских концлагерей за шахматную доску на Филиппинах. Но мало что от этого изменилось. словно в далекой Москве бесцеремонно хозяйничают ГБ-шники, а Корчной каждый день должен проходить сквозь строй ненавидящих глаз.

Поразительно, как в этом матче, словно в капле воды, отразилось бессилие Свободного мира перед лицом советского шантажа, подкупа и насилия. Бессилие и разобщенность, проявляющиеся в каждом конфликте с СССР. Мы часто ломаем голову, почему это ООН ни разу не осудила нарушения прав человека в СССР, почему Всемирный Совет Церквей ни разу не осудил расправы над верующими. Мы удивляемся, почему весь мир с такой готовностью снабжает СССР технологией, кредитами, станками и машинами, хлебом и маслом. Мы удивляемся, что это советские делают в Анголе и Эфиопии, Южном Йемене и Афганистане. И почему это, как только советские, зарвавшись, попадают впросак, весь мир с готовностью бросается помогать им "спасти лицо", словно нет другой заботы у Свободного мира.

Книга Корчного дает удивительно простой ответ на эти вопросы. Как и пресловутое жюри чемпионата, мир готов сделать все, только чтобы было, наконец, спокойно. Мир готов уступить во всем, лишь бы мировой бандит, наконец, насытился и успокоился. Ведь мир – это просто множество Кинов, Кампоманесов, Филипов и Маркосов. В лучшем случае таких, как Эйве... И наплевать им, что тем временем "серые" начинают и выигрывают с необычайной легкостью одну страну за другой.

Сейчас очень важно, чтобы эту книгу прочли все те, кто вслед за лордом Киланином бездумно повторяют опасную глупость о спорте "вне политики", все те, кому так важно попрыгать и побегать в Москве. Хотят ли они, чтобы и эти игры выиграли "серые"?

В.Буковский

ПРЕДЫСТОРИЯ МАТЧА

Когда началась подготовка к этому матчу?

Знакомый с фактами человек ответит примерно так:

”Чемпион мира начал подготовку вскоре после окончания турнира в Тилбурге (Голландия) в ноябре 1977 года. Затем в связи с матчем Спасский – Корчной, командировкой тренера Фурмана в Белград и последовавшей его тяжелой болезнью имел перерыв. Для тренировки он сыграл в турнире в Бугойно, а вскоре после него вместе с тренерами Талем и Васюковым отправился на Кавказ, где продолжил подготовку, заодно приспособиваясь к высокогорному климату. Попутно он вступил в контакты с рядом советских гроссмейстеров, кто мог бы обеспечить его нужной теоретической и психологической информацией, привлек к работе В.Ульмана (ГДР) как специалиста по французской защите, изучил обстоятельный доклад бывшего тренера Корчного В.Осноса, возобновил работу с Зухарем, уточняя детали своего сотрудничества с психологом по ходу матча...

Что касается Корчного, то он несколько запоздал с приготовлениями к матчу. Лишь в начале мая в Англии он начал работать со своими помощниками Кином и Стином”.

Все это так, да не так!

Куда правильнее сказать, что подготовка – психологическая, шахматная, политическая – началась вскоре после окончания предыдущего матча с Карповым. Напомню – игрался он в Москве в сентябре-ноябре 1974 года и закончился с результатом 3:2 при 19-ти ничьих в пользу Карпова.

Вряд ли советское спортивное руководство догадывалось в тот момент, что я через 4 года снова стану опаснейшим врагом их ”уральскому самородку”. Уже тот, первый, матч показал, что я играю достаточно сильно. Но будучи на

самом верху привилегированной шахматной элиты, я неоднократно, задолго до матча с Карповым, да и во время его — доказывал, что мне чужды "советские нормы поведения". Руководство решило использовать момент моей спортивной неудачи, чтобы наказать меня. Наказать примерно, в острастку другим. Наказать так, чтоб лишить практической шахматной силы и заодно раз и навсегда убрать из группы "привилегированных"!

Так и сделали. Меня лишили возможности играть в международных турнирах в 1975 году, сократили зарплату, которая поступает всем гроссмейстерам из спортивных организаций. А главное, против меня восстановили так называемое "общественное мнение", со всеми вытекающими из этого в Советском Союзе последствиями...

Не буду повторять всего того, что было описано в моей первой книге — "Моя жизнь — шахматы". Я понял не хуже спортивных руководителей, что все эти акции угрожают моему дальнейшему существованию как шахматиста, и в декабре 1974 года принял решение любым путем покинуть Советский Союз. Этот замысел я осуществил в июле 1976 года. После турнира ИБМ я остался в Голландии и попросил у голландского правительства политического убежища...

Чувствовал ли Карпов, что ему в скором времени предстоит встреча со мной?

В феврале-марте 1975 года проходила усиленная подготовка к матчу Карпова с Фишером. Гроссмейстеры должны были представить в письменном виде их оценку стиля и силы Фишера и Карпова. Этого я совсем не настроен был делать. Карпов завел сепаратные переговоры со мной. Он просил прислать этот доклад ему лично, на случай если я опасюсь делать это через официальные каналы — ведь критика в его адрес запрещена в стране! В обмен он обещал сократить, спустить на тормозах прессинг, оказываемый на меня официальными и общественными (в Советском Союзе,

впрочем, это почти одно и то же!) организациями. Того, что он хотел, он от меня не добился.

Осенью 1975 года в Ленинграде проходил матч "пионеры против гроссмейстеров". Гроссмейстеры давали сеансы с часами пионерам. Среди гроссмейстеров были Карпов, Смыслов, Полугаевский, я и другие. Что поразило меня тогда — что Карпов подавляющее большинство партий начинал ходом 1.c2-c4, а черными тоже избирал дебюты, которые ни тогда, ни позже в его турнирной практике не встречались. Еще бы! Соревнование происходило в моей родной организации, в Ленинградском дворце пионеров, и все его партии могли попасть в мою картотеку!

В феврале 1977 года агенство печати "Новости" (СССР) взяло интервью у ряда гроссмейстеров в связи с началом матчей кандидатов на первенство мира. Запомнилось мне интервью с Карповым. Он заявил, что в прошлом считал мои шансы в борьбе за первенство мира высокими, но теперь, когда я покинул СССР, я потерял в его глазах очень много — как гражданин, личность и шахматист. Приехав через две недели в ФРГ, он высказался более определенно. Он сообщил западному миру, что, по его мнению, турнир кандидатов выиграет Корчной!

Что ж, отбросим в сторону официозный бред, частенько исходящий из уст официального чемпиона мира, и воздадим должное Карпову — ему нельзя отказать в чувстве объективности и даже прозорливости!

Вернемся обратно, к моменту, когда я покинул СССР. Сколько бы я ни подчеркивал в своих заявлениях чисто профессиональные мотивы своего поступка, советские власти должны были расценивать — и расценивали — эту акцию как политическую. Все, абсолютно все, расценивается в Советском Союзе с политической точки зрения: полезно это или нет для страны, для партии, для режима. А ослабить советскую шахматную мощь?! Ведь превосходство советской

шахматной школы — это предмет гордости всей страны! Ведь это один из рычагов проникновения советских во все уголки земного шара! Сколько уже раз случилось, когда советские гроссмейстеры прокладывали путь своим дипломатам (а потом и "советникам" и оружию) в те или иные страны. Да, с их точки зрения мой отъезд был серьезнейшим ударом, и чтобы локализовать его последствия, советские власти сделали немало.

Началось с заявления ТАСС. Меня объявили предателем советского народа, заявили о моем болезненном тщеславии и жажде наживы. Через месяц в начале сентября 1976 года было опубликовано заявление шахматной федерации СССР, подписанное 31 советским гроссмейстером. Там говорилось то же самое, только в более резких выражениях, и выражалось желание федерации СССР изгнать меня из официальных соревнований ФИДЕ (то есть из кандидатских матчей!). Письмо с этим предложением было послано на конгресс ФИДЕ.

Как и в Организации Объединенных Наций, в ФИДЕ немалая часть голосов контролируется советскими. Но тут мне повезло. Конгресс ФИДЕ, как и мировая шахматная олимпиада, проходил в Хайфе, в Израиле. Бойкот Израиля — один из устоев советской международной политики. Даже изгнание советских специалистов из Египта, даже меры против коммунистических партий в окружающих Израиль арабских странах не смогли поколебать враждебное отношение советских к Израилю. Если принять во внимание, что сейчас, с точки зрения экономической, СССР должно было бы быть выгодно развивать отношения с Израилем, видимо, корни такой политики нужно искать в основах внутренней политики СССР.

Так что на олимпиаду и конгресс ФИДЕ Советский Союз и страны восточного блока не явились. В их отсутствие

протест советской шахматной делегации был зачитан, но за смехотворностью даже не обсуждался.

Вот когда – **официально** – началась политическая борьба вокруг моего матча с Карповым!

Надо подчеркнуть, сентябрьское письмо советской федерации явилось официально и фактически объявлением мне бойкота! Решению ФИДЕ, запрещающему бойкот в официальных соревнованиях, советские должны были подчиниться, но во всех остальных турнирах они меня бойкотируют, известив организаторов, что не будут принимать участия ни в одном турнире, где играю я. Пока я был занят игрой в матчах на первенство мира, мои пути с советскими скрестились лишь однажды: узнав, что я принимаю участие в турнире в Вейк-ан-Зее, советские сделали вид, что не получили приглашения для Романишина и Купрейчика. Теперь, в 1979 году, этот жесткий бойкот особенно чувствителен: демонстрируя свою мощь, советская шахматная федерация угрожает не только моему существованию как профессионального гроссмейстера, а существованию самой ФИДЕ, в статуте которой записано, что она борется против политических, религиозных, расовых и других ограничений...

Итак, предварительный политический этап для борьбы с Карповым я выиграл. Но чтобы встретиться с ним, нужно было урегулировать кой-какие "шахматные детали", т.е. выиграть три кандидатских матча у советских шахматистов.

В обстановке глухой враждебности проходило первое испытание – матч с Петросяном. Шахматные силы были абсолютно равны, но нервы у меня оказались крепче. Я выиграл со счетом 2:1 при 9-ти ничьих.

Спокойнее сложился мой матч с Полугаевским. Я оказался заметно сильнее моего противника на шахматной доске, и нервы у меня были лучше, да и помощь моих секундантов была более действенной, чем поддержка его помощников. Результат этого матча 5:1 при 7-и ничьих в мою пользу.

Свой третий и последний отборочный матч я играл со Спасским. На протяжении многих лет мы были в приятельских отношениях. Не изменил этой ситуации и матч 1968 года между нами, когда Спасский буквально разгромил меня! В последнее время у нас появилась и общность политических взглядов. Спасский добился в последние годы, казалось бы, невозможного. Единственный из миллионов эмигрантов он получил двойное гражданство и теперь, имея советский паспорт, живет в Париже!

Мы начали матч приятелями, а закончили его врагами. Заверяю читателя, у меня нет злобы к Спасскому. Единственное, чего я не могу простить человеку с антитоталитарными взглядами, — что он разрешил советским превратить поле боя в испытательный полигон против меня. Но не надо забывать: Спасский несколько лет боролся за свою политическую самостоятельность, а получил разрешение на выезд из СССР "случайно" ровно через месяц после моего отъезда из Советского Союза. Кто знает, какие обязательства ему пришлось взять на себя в обмен на выездную визу...

Первую половину матча я выигрывал очень убедительно, и казалось, что конец матча уже близко. А потом, делая одну за другой грубейшие ошибки, я проиграл 4 партии подряд! Мною и моими помощниками было отмечено усиление активности советских во второй половине матча. В Белграде появлялись то один, то другой советские гроссмейстеры, на матч прибыл главный начальник над шахматами, зам. председателя комитета спорта СССР Ивонин, в зале сновали работники советского посольства в Белграде, какие-то люди с чемоданчиками — их советское происхождение было неоспоримо. Какое оружие применяли против меня — мне было не ясно, но все вокруг, включая поведение Спасского, было загадочно и мрачно. Вторую половину матча Спасский не сидел за доской на сцене. Направляясь к доске, чтобы сде-

лать очередной ход, он шел, качаясь, с полузакрытыми глазами, как медиум.

Почувствовав, что вокруг творится какая-то чертовщина, я обратился за помощью. Группа любителей шахмат, пара психологов, обещала, не выезжая из Швейцарии, помочь мне, охранить меня от вредного влияния извне во время игры. Не знаю, было ли это внушение или реальная поддержка, но мне, на удивление многих, удалось выйти из смертельного пике, свести вничью две партии. Потом в напряженнейшей борьбе я выиграл еще две партии и — этот странный матч окончился. Результат 7:4 при семи ничьих.

НАКАНУНЕ МАТЧА

Вот теперь я должен был продумать конкретно детали предстоящего поединка. Впрочем, я не торопился. Я сыграл в сильном турнире в Голландии, где занял 2-е место, следом за Портишем; потом в Израиле, Бершебе, где занял первое место с достойным результатом — 12 очков из 13-ти.

До начала своей шахматной подготовки я, к сожалению, должен был выполнить свои обязанности по контракту в Германии — там, в Порце, я читал лекции членам шахматного клуба "Кельн-Порц". Так случилось, что через год после того, как я остался в Голландии, я начал работать в Германии. Но реальные контакты с шахматистами и федерацией, реальную поддержку я ощущал в Швейцарии, и именно на поддержку швейцарцев в предстоящем матче я ориентировался.

15-го февраля в штаб-квартире ФИДЕ были преданы гласности предложения стран, пожелавших организовать матч на первенство мира. Наиболее благоприятные в финансовом отношении — на уровне 1 млн. швейцарских франков

— предложения были со стороны Голландии, Австрии, Филиппин и Германии. Из всех из них самым заманчивым было предложение ФРГ. И поначалу я собирался остановить свой выбор именно на Гамбурге.

При выборе места финансовые соображения играли немаловажную роль. Чтобы обеспечить работу моих помощников во время матча, мне предстояли крупные расходы, которые можно было сравнить только с расходами советского государства на этот матч! Забегая вперед, могу сказать, что я потратил значительно больше 100 тысяч швейцарских франков, т.е. всей суммы гонорара, предложенного федерациями Франции, Швейцарии или Италии.

Но главное все-таки было найти страну, где были бы обеспечены равные условия противникам, где организаторы матча занимали бы нейтральные позиции. Я вспомнил, как тепло принимали Карпова в Германии, как он играл партию со зрителями немецкого телевидения и заработал на этом ни много, ни мало — "Мерседес-Бенц". Я узнал, что Карпов хранит свои доллары, заработанные в Западной Европе и Америке, у одного из вероятных организаторов матча. В штаб-квартире ФИДЕ, накануне публикации предложений, господин Юнквирц, представитель фирмы телевидения в Гамбурге, рассказал мне странную историю. Его группа засняла фильм в Белграде, во время одной из партий финального матча претендентов, где очень рельефно было показано необычайное поведение Спасского во время игры. Фильм этот, как рассказал Юнквирц, был продан несколькими иностранными телефирмам, и немцы отдали его на копировальную фабрику, чтобы обеспечить нужное количество копий. А на фабрике случился (или был организован!) пожар, и фильм пропал!

То, что Германия наводнена просоветскими агентами, которых невозможно отличить от порядочных граждан даже по языку, я знал и без этого случая. Да и вообще, самая бо-

гатая в мире страна до сих пор находится в подчиненном, зависимом от Советского Союза положении! Я знаю одного русского, который живет в Германии уже 34 года и не может получить немецкого гражданства. Ему говорят в министерстве внутренних дел: "Напишите сначала в Москву, пусть они официально признают, что Вы не их гражданин". Больно и смешно!

Продумав все это, я решил ни в коем случае в Германии не играть. Я назвал первым номером Австрию. На второе место я поставил Филиппины, на третье — Голландию. Я чистосердечно изложил свои взгляды последних лет на Германию. Сейчас, после бойкота Германией Олимпиады в Москве, я пересматриваю свою точку зрения.

Почему — Филиппины? У меня были устаревшие сведения, что на Филиппинах нет советского посольства — оно было организовано в 1975 году. Рассуждая, как доморощенный политик, я считал, что, чем дальше от Советского Союза, чем дальше от главной сферы его политических интересов, — тем, вероятно, лучше. Чудак, мне пора было бы знать, что сфера интересов советских — весь земной шар, что щупальца этого гигантского спрута проникают повсюду. Где мне было знать, что в филиппинской печати идет ожесточенная кампания за вывод американских военных баз и, разыскивая взамен сильную руку, ища политической, финансовой, экономической помощи, филиппинское правительство ориентируется отнюдь не на ближайших соседей.

А представитель филиппинских организаций Кампоманес! Как льстиво и вкрадчиво он разговаривал со мной тогда! Откуда мне было знать, что он находится в тесном контакте с советскими? Мог ли я подозревать, что в ходе матча он превратится в человека откровенно недостойного поведения?!

После того, как из Москвы пришло письмо, где на первом месте была Германия, второй номер был оставлен сво-

бодным, а на третьем месте оказались Филиппины, президент ФИДЕ назвал Багио местом игры. По-видимому, для Карпова это решение оказалось неожиданным. В этот день в Бугойно он проиграл Тимману. Не будем умалять заслуги голландского гроссмейстера — он превосходно провел партию — но Карпов, узнав в этот день о выборе Филиппин, действительно, выглядел расстроенным. Что ж, настолько важной была эта проблема, что даже Карпову не дали знать о секретных связях советских с Кампоманесом. В январе Батурицкий побывал на Филиппинах, и все уже было договорено. Помощь организаторов советским была обеспечена. Совместно, до самых, казалось бы, незначительных деталей, была продумана поддержка Кампоманесом советских, чтобы ни в чем не было препятствий, чтобы советская сторона имела в любом вопросе подавляющий перевес.

Решение о проведении матча в Азии было с огорчением воспринято в Европе. Представители стран, которые в наших списках были на первом месте — Германии и Австрии — попробовали добиться другого решения. Они навестили Карпова и меня; предлагали слить гонорары из обеих стран воедино, удвоив таким образом сумму приза для обоих участников. В этих условиях, когда все уже было решено, лишь одна группа могла взять по привычке на себя роль скандалиста и сломать договор и решение президента ФИДЕ — советская делегация! Но она по понятным причинам делать этого не хотела. Карпов под давлением австрийской и немецкой федераций написал письмо, что, если я настаиваю, он не возражает играть в двух местах — пытаюсь играть роль примиренца, а в случае возникновения конфликта имея в виду свалить всю ответственность на меня. Но и мне поднимать шум не хотелось, тем более, что мне была известна твердая позиция президента (хотя до сих пор мне не ясно, почему это М.Эйве и И.Баккер были так настойчивы в этом вопросе и так мягкотелы в остальном...). За недостатком поддерж-

ки участников матча протест австрийцев и немцев был предан забвению.

Первые сомнения относительно правильности выбора места возникли у меня уже в конце марта. Кампоманес вызвал меня в Амстердам (хорошо, что не в Манилу! До Москвы ему было ближе, чем до Цюриха!) и уговорил меня подписать контракт между ним и мною. Он обещал мне некоторые льготы в вопросе оплаты нескольких дополнительных помощников, не предусмотренных правилами ФИДЕ, вступительный гонорар 100 тысяч долларов, а я в обмен не должен был поднимать вопрос о флаге и гимне для себя. Подписать-то я по глупости подписал, но вскоре понял, что этот пункт для меня неприемлем, и дал Кампоманесу об этом знать. Зато в будущем Кампоманес не выполнил условий контракта для облегчения моих платежей непредусмотренным ФИДЕ участникам группы, не выполнил и предусмотренной ФИДЕ оплаты приезда моих "официальных" членов группы Лееверик и Стина в Европу...

Интересно, какие условия Кампоманес поставил советским, оплачивая их громадный штаб более, чем наполовину?!

Кстати, о правилах ФИДЕ к этому матчу. Они были приняты на заседании Бюро ФИДЕ в Каракасе в начале октября 1977 года. Участники финального матча кандидатов на первенство мира уже были известны, но их, заинтересованных в правильном решении этого вопроса, на заседание не пригласили. Зато советская сторона была представлена полностью, включая чемпиона мира. Якобы под давлением советские согласились, что матч на первенство мира будет игратья до шести побед, не считая ничьих. Зато они обеспечили себе все остальные привилегии!

Было решено, что в случае проигрыша чемпион имеет в течение года право на матч-реванш. Невероятное бремя для кандидата! 15 лет назад это правило было признано

несправедливым, а вот теперь, когда на престол взошел, наконец, настоящий чемпион — без единого матча на первенство мира! — он защищает себя двумя соревнованиями!

В правилах указано, что, если матч чемпиона с кандидатом не состоится, чемпион будет играть с другим претендентом (т.е. Спасским). Так! А если будет доказано, что матч не состоялся по вине чемпиона, какое же он имеет право играть матч на первенство мира?! Забегая вперед, отметим, что этот пункт правил позволил советским шантажировать жюри матча накануне его.

Правилами предусматривается оплата всех расходов, а также гонорар двум шахматным помощникам каждого из участников матча. Как насчет руководителя делегации? У советских на любом крупном соревновании существует такой человек. Функции его многообразны, включая решение возникающих зачастую юридических вопросов. Но его и оплатит советское государство. А Корчной? Он и без руководителя обойдется! А хочет иметь противовес БатуриНСКОМУ — пусть платит сам!

В правилах сказано, что если на матче будет врач у какой-либо из сторон, то организатор должен оплатить его размещение и расходы на месте.

Как же так! Ведь врач на Западе — одна из самых уважаемых и высокооплачиваемых профессий! А гонорар врачу?! Видите ли, в Советском Союзе врачи — едва ли не самые бедные люди. Медицина в СССР — бесплатная, "народная". Врачи имеют мизерную зарплату от государства. Ну, а Корчной? А черт с ним, с Корчным!

Не забыли советские и заранее, на заседании Бюро ФИДЕ, зафиксировать время начала игры. Нормально — об этом договариваются участники между собой накануне матча. В обсуждении принимает участие главный судья и организатор матча. Предусматриваются требования прессы, конкретные проблемы организации матча на месте.

Но решить все сверху, директивой – это ведь так советски! Пусть недовольна пресса, пусть засыпает к концу партии Корчной, привыкший играть по-западному в 3-4 часа дня, пусть, наконец, в середине партии врывается шум тропического дождя – в это время года ближе к вечеру он всегда бушует в Багио, – а шум его мешает самому Карпову, и он жалуется судьям на атмосферные помехи – все равно! ФИДЕ решила начинать игру не раньше пяти часов вечера, и отменить это решение невозможно! Разгадка очень проста: Карпов засыпает вместе с совами, где-то на рассвете, в принципе ему – чем позже начинать партию, тем лучше.

Прочитав в марте эти правила, я только развел руками. Попробовал что-то изменить – невозможно. Попробовал ввести еще два пункта. Первый – цитирую по памяти: "Участник ее не имеет права стоять над доской в момент, когда противник обдумывает ход". "Ну что Вы, – говорят мне в ФИДЕ, – на это есть специальный пункт правил, что нужно вести себя по-джентльменски, не мешать противнику". – "Да у Карпова привычка такая! А когда он поймет, что это мне мешает, он будет делать это нарочно", – говорю я. "Ну что ж поделаешь, – отвечает Эйве, – будете в каждом отдельном случае обращаться к арбитру".

Второй пункт: "Перед началом партии участники стоя должны приветствовать друг друга рукопожатием. В случае, если один из участников не намерен больше этого делать, он должен заранее сообщить арбитру о своем решении". Увы, и этот пункт доктор Эйве не принял, но обещал ознакомить с ним советскую сторону.

Знаете, какое чувство возникло у меня после разговора с президентом? Что он не возражает, если моими руками будет сброшено советское иго над ФИДЕ, но сам ни на йоту не пойдет мне навстречу!

Читатель почувствовал, надеюсь, насколько бесправным было мое положение уже задолго до начала матча!

Мне предстояло урегулировать организационные вопросы в своем лагере. Уж это казалось мне много проще! У меня, начиная с матча с Полугаевским, была сколочена группа шахматистов-помощников, которой я не имел оснований быть неудовлетворенным: во время двух матчей она оказала мне неоценимую поддержку. Правда, во время матча со Спасским мне показалось, что мои секунданты, принимая активное участие во всех околошахматных дразгах, устают быстрее, чем я. Что делать? Увеличить группу или организовать вторую смену? Вторая мысль показалась мне забавной, но заслуживающей особого внимания. Именно эту идею я имел в виду, пригласив на переговоры гроссмейстера В.Ломбарди. Американец, поняв, что он будет не только во второй смене, но и на вторых ролях, отказался. Как я узнал позже, у него кроме личной гордости были и другие, не менее веские, причины – выгодное приглашение на работу, начало которой совпадало со временем матча.

От своего замысла я не отказался. Позднее, в ходе матча, я пригласил аргентинца О.Панно. В середине августа он прибыл в Багио и с удовольствием, и с пользой для общего дела включился в работу.

Но в уже сколоченном лагере – Кин, Стин, Мурей – не все было в порядке. Через два месяца после окончания матча со Спасским я узнал, что Кин выпустил книгу о закончившемся матче. Разрешения на это он у меня не спросил, хотя опубликовал наши совместные анализы. Еще обиднее был факт, что он работал над книгой вдвоем с Д.Леви, тем самым Леви, который в свое время выпустил книгу моих избранных партий без моего разрешения, тем самым Леви, который к началу матча Карпов – Корчной подготовил к изданию книгу Карпова со скандальным названием: "Моя жизнь – шахматы". Скандальным, как догадался уже читатель, потому, что книга с идентичным названием уже вышла год назад, но моя книга! Мне стала понятна и причина усталости

Кина в последние недели матча со Спасским — он работал над книгой!

Сейчас, когда я печатаю эти страницы, я отчетливо осознаю свою ошибку: мне следовало отрезать кусок организма, зараженный гангреной наживы! Я этого не сделал, я попробовал сберечь нервы и энергию, которые неизбежно требуются на создание нового коллектива — я попытался залечить неизлечимое. Я предпринял попытку смирить предприимчивость английского гроссмейстера. 22 мая в Лондоне был подписан контракт между Кином и мною. Вот его текст: "1. Секундант посвятит все свои усилия в интересах участника матча во время соревнования в Багио, на Филиппинах.

2. Секундант не будет писать, составлять или помогать писать или составлять какую-либо книгу в процессе матча.

3. Вся журналистская работа, проводимая секундантом во время матча, должна быть одобрена руководителем делегации. (Значит, должна просматриваться руководителем. — В.К.).

4. Стороны также согласились, что в случае выполнения перечисленных выше условий участник матча согласен выплатить секунданту сумму 4000 шв. фр. и дополнительно 9000 фр. в случае выигрыша матча.

5. В случае, если будет привлечена дополнительная помощь для работы с секундантом, договорились, что Кин сохранит 9000 франков от своего официального вознаграждения от организаторов матча и внесет остаток на предмет финансирования добавочной помощи.

6. Участник также согласен оплатить путешествие вторым классом для жены Кина для ее прибытия в Багио в одобренное участником матча время.

Также договорено, что в случае любого нарушения секундантом пунктов 1, 2 и 3 это соглашение станет недействительным, участник матча освобождается от всякой выше-

означенной ответственности, а секундант лишается своего статуса и привилегий, как "официальный секундант".

Я догадался, что матч предстоит трудный, долгий, что по ходу его будет возникать множество юридических, политических, психологических проблем, что советские будут во всеоружии. Мне предстояло найти человека, способного самоотверженно защищать мои интересы в этой борьбе. У меня есть друг – женщина 50 лет, живущая в Швейцарии. Она родилась в Вене (вот, оказывается, почему Карпов не хотел играть в Австрии. Так, во всяком случае, он отвечал югославским журналистам, находясь в Бугойно). В 19-летнем возрасте она была похищена из Вены советской разведкой и провела без малого 10 лет в концентрационном лагере в Воркуте. Пытками и многодневным карцером ее, женщину, не говорившую тогда ни слова по-русски, заставили подписать бредовые показания, что она была агентом американской разведки! Так называемое "чрезвычайное совещание", в действительности – тройка людей, заменяющая суд в советских лагерях, – присудило ее к 20 годам тюремного заключения.

Не сравнивайте, прошу вас, место заключения фрау Лееверик с тюрьмой в Лондоне или лагерем для перемещенных лиц в Риме. Ее лагерь – Воркута – был описан Солженицыным в "Архипелаге ГУЛаг". Непосильная работа, нечеловеческие условия жизни навсегда подорвали здоровье молодой женщины. Зато она узнала, почему фунт лиха! Зато она узнала, что представляет собой советская власть, советское государство с другой, непоказной стороны! Зато она представляет себе, кто такой полковник юстиции в отставке Батуринский: верный служака, который в составе троек "чрезвычайного совещания" – уж будьте уверены! – сотни раз ставил свою подпись, осуждая когда на медленную, а когда и на быструю смерть невинные жертвы.

Да, единственный человек, который мог бы защищать

меня достойно против советских, была эта женщина, и мы решили, что она будет руководителем нашей группы. Несмотря на угрюмое ворчание Кина, тщеславие которого, казалось, уже в тот момент, за два месяца до матча, было не в силах вынести подобного оскорбления и взывало к мести.

Еще одна проблема волновала меня, мучала задолго до этого матча. Моя семья в Ленинграде! У моей жены и сына — невыносимое положение! Они — изгои в этой стране, у них нет средств к существованию, никаких гражданских прав, никаких контактов с людьми. Сыну стали угрожать призывом в армию. Он ушел из дома, скрывается от полиции в подполье. Они от меня не отказались, им предложили сменить фамилию — они этого не сделали! Несколько раз через родственников и знакомых я посылал им приглашения на выезд в Израиль. Трижды они подавали заявления на выезд из СССР. Им отказывают. Л.Брежнев мог бы уже издать книгу, составленную из писем влиятельных людей мира с просьбами освободить мою семью! Что ж, я разъезжаю по всему миру, а они обречены на медленную смерть? А они-то чем виноваты?!

В апреле я обратился с письмом к президенту ФИДЕ: "Уважаемый профессор! Осмелюсь вернуться к теме нашего разговора 22 марта в Амстердаме. Я прошу ФИДЕ обеспечить мне равные условия в моем матче с Карповым. Я покинул СССР 20 месяцев тому назад по профессиональным мотивам. Моя семья — жена Изабелла и сын Игорь все еще в Советском Союзе. Они мечтают присоединиться ко мне так же, как и я. Они запросили визу в Израиль в июле прошлого года, но в ноябре им было отказано властями покинуть страну. Напоминаю Вам, что исход в Израиль — единственный более-менее законный путь уехать из СССР.

В моих взаимоотношениях с советскими в вопросе моей семьи есть одно слабое место — я не являюсь гражданином ни одной страны и не могу требовать мою семью прямо

ко мне. Но это же была Ваша собственная идея установить гражданство ФИДЕ! Все-таки моя личная проблема больше связана с борьбой ФИДЕ за гражданские права, начатой советскими делом против Южной Африки, чем что-нибудь другое! (В июле 1977 года на внеочередном конгрессе ФИДЕ по требованию советских федерация Южной Африки была изгнана из членов ФИДЕ – В.К.).

Если советские так чувствительны к этому (гражданским свободам – В.К.), намекните им продемонстрировать их внутренние свободы. Или в сентябре этого года по предложению швейцарской или филиппинской шахматной федерации (или их обеих) это станет предметом обсуждения Генеральной Ассамблеи ФИДЕ.

С лучшими пожеланиями В.Корчной.”

Случись такое, что мою семью выпустили бы, я не чувствовал бы у себя на плечах такой страшной ответственности, да и политическое напряжение в матче было бы неизмеримо слабее. Вскоре я получил письмо доктора Эйве. Он как будто принял мое письмо в шутку и ответил в шутливой манере. Скорее всего, это письмо было написано членом компартии Голландии мисс И.Баккер, а д-р Эйве, не глядя, подписал его. И с этими людьми я во время турнира ИБМ 1976 года обсуждал, остаться мне в Голландии или нет, и они были столь благосклонны! Ох, до чего же я был политически близорук!

Итак, в начале мая я приехал в Англию и поработал недели две с Кином и Стином. Затем я пробыл недели две в санатории в Германии, потом во второй половине июня я организовал тренировочный сбор в Швейцарии, Эльме (тоже высокогорный климат!) со Стином и Муреем. В шахматном отношении я был вооружен процентов на 70. Зато мое здоровье и нервы были в хорошем состоянии – мне было что тратить в предстоявшей напряженной борьбе!

За пару дней до отъезда на Филиппины мы прочли в газете "Советский спорт" любопытную заметку "Перед дальней дорогой". Вот ее начало: "Когда человек собирается в дальний путь, чтобы делать большое, нужное для всей страны дело, друзья провожают его добрыми напутственными словами. Сегодня их услышал... Анатолий Карпов..." ("Советский спорт", 23 июня 1978).

Еще бы не большое, еще бы не важное! После моего отъезда из СССР там постарались изъять из обращения всю шахматную литературу, где упоминается мое имя, всю литературу за 25 лет! В Советском Союзе — голод на шахматные книги, но журналы, газеты, книги, где упоминается мое имя, не принимаются в букинистических магазинах! И имя этого человека теперь снова предстояло публиковать на страницах газет! Так пусть этот матч будет таким же победоносным, как все три года его, Карпова, царствования, пусть же он принесет еще больше славы советскому чемпиону мира!

Да, кстати, — говорят, в Голландии принадлежность к коммунистической партии не считается не только преступлением, но даже и сколько-нибудь компрометирующим обстоятельством. Между тем, в странах, которые иногда называют классическими странами свободы, таких как США и Германия, члены компартии — под подозрением, они не могут работать как государственные служащие. Попробуем разобраться, кто тут прав.

В чем основная разница между коммунистической и другими партиями, социал-демократической, например. Существует ли разница между восточноевропейскими партиями и партиями "Еврокоммунизма"?

Много лет назад я — тогда советский коммунист, повстречал женщину — члена находившейся в то время в подполье коммунистической партии Испании. Мы понравились друг другу. Мы повели милый, полулюбовный разговор. "Расскажите мне о Советском Союзе, я мечтаю там побы-

вать”, — сказала она. “Наша страна — это гигант на глиняных ногах, — начал я. — Правительство СССР лицемерно заявляет о своей заботе о населении страны, а на самом деле совсем не интересуется проблемами народа. Страна производит невероятно много оружия, а магазины стоят пустые. Нет и свободы. Вы, простая испанская женщина, побывали и во Франции, и в Германии, и в Африке, а если я буду плохо играть в шахматы, мне не разрешат никуда ездить...” Лицо женщины, минуту назад еще столь ко мне расположенной, вдруг изменилось. С английского языка она вдруг в волнении перешла на испанский: “А что же посылать за границу людей, которые так плохо отзываются о своей стране!”

Главная черта, которая отличает коммунистические партии от остальных и роднит их между собой — это железная дисциплина в партии! Это принцип демократического централизма — меньшинство подчиняется большинству. Это значит — решение большинства обязательно для выполнения каждым членом партии, даже если у него на этот счет другое мнение, даже если, скажем, по роду службы он не имеет права его выполнять! Прежде всего он — член партии! А уже после — мужчина, гражданин своей страны, чиновник, шахматист, — все что Вам еще придет в голову!

Вот поэтому 28 июля 1976 года кальвинистка мисс Баккер сперва по моей просьбе отвезла меня в глухую деревню к своим родственникам и уверила меня, что это самое безопасное место в Западной Европе, а потом прокоммунистка Инека Баккер сразу по возвращении в Амстердам сообщила о том, где я нахожусь, своим коммунистическим друзьям. И не прояви вовремя голландская полиция инициативу, не предприми она шагов, чтобы защитить меня — разделил бы я, вероятно, судьбу тренера Каное, похищенного на глазах изумленной Европы из ФРГ агентами КГБ.

Нет, славы этот матч Карпову не принес — разве что негативной!..

И меня провожали очень тепло, и мне писали письма — из многих стран. Без лицемерия и фальши мне горячо желали победы. Позволю себе привести одно из них: ”Дорогой Виктор!.. ничуть не умаляя способностей Вашего соперника, мы видим все же в первую очередь, что А.Карпов — представитель партийных, идеологических шахмат, где партийные установки превалируют над спортивным началом. В этом смысле Карпов уже не соперник, а противник, поскольку эту позицию в жизни он сам себе избрал. Сегодня Вы представляете шахматы, и мы верим в торжество шахмат против политики, мы желаем Вам твердости и спокойствия. Мы желаем Вам победы.

Искренне заинтересованные, бывшие политзаключенные Глезер, Мешер, Корнблит. Бершеба, Израиль”.

К сожалению, далеко не все на Западе поняли суть этого матча. Увы, легче обучить ходить и ориентироваться среди окружающих предметов слепого, чем научить ориентироваться в происходящем вокруг политического слепца!

ПЕРВЫЕ ОЧНЫЕ КОНФРОНТАЦИИ

Перед самым началом матча, учитывая большой интерес прессы к предстоящему соревнованию, я предпринял еще одну попытку помочь семье. На аэродроме в Цюрихе перед отлетом в Манилу на пресс-конференции я опубликовал открытое письмо к руководителю советского государства Л.И.Брежневу. Когда мы прибыли в Манилу, мой друг М.Стин отнес письмо в советское посольство. Затем на пресс-конференции в Маниле я снова огласил текст письма:

”Глубокоуважаемый господин Брежнев!

К Вам обращается профессиональный шахматист-гроссмейстер, в недавнем прошлом гражданин СССР, ныне проживающий в Швейцарии.

Два года назад, будучи не в силах терпеть сугубо недоброжелательное отношение партийных советских спортивных руководителей, не имея возможности продолжать дальше активную творческую деятельность внутри СССР, я эмигрировал на Запад.

В Советском Союзе осталась моя семья — жена и сын. Лояльные советские граждане, они, однако, движимые чувством любви к мужу и отцу, в июле 1977 года подали заявление на выезд из СССР. В ноябре 1977 года моей семье было отказано в визе на выезд. В устной беседе руководители советской милиции в Ленинграде не скрывают, что члены моей семьи — это заложники, люди, которым предстоит расплачиваться за мой побег.

С момента подачи заявления на выезд прошло около года. Положение моей семьи катастрофическое. Они лишены средств существования, возможности работать или учиться. К ним с подозрением и злобой относятся власти, население избегает контактов с ними.

Права, дарованные конституцией, сейчас резко ограничены для членов моей семьи, а обязанности — нет! Моего сына, человека, который уж год как простился с родиной, настоятельно требую на призыв в армию.

Вы, господин Маршал Советского Союза, прославляете доблесть Мухаммеда Али, который отказался воевать во Вьетнаме. А мой сын тоже не хочет воевать, не хочет быть солдатом армии страны, где бессовестно третировали его отца!

Странно, господин председатель Верховного Совета СССР, что за развал работы, за внедрение нездоровых отношений в спорте, за, в конечном итоге, профессиональную несостоятельность советских руководителей — наказывают не тех, кто виноват, а тех, кто беззащитен. Форма наказания политических заложников принята, к сожалению, во всем мире, но к лицу ли она советскому правительству — одному

из законодателей политической моды в мире, господин председатель?!

На днях на Филиппинах начнется матч на первенство мира между советским гроссмейстером, чемпионом мира А.Карповым и мной.

Советские руководители не раз заявляли, что спорт должен быть отделен от политики. Ясно, что на этом принципе будут настаивать и страны, принимающие участие во всемирной спортивной олимпиаде, которая должна состояться в 1980 году в Москве.

Я обращаюсь к Вашему политическому благоразумию, господин генеральный секретарь! Для того, чтобы матч на первенство мира по шахматам прошел в нормальной спортивной обстановке, без политических осложнений, я прошу Вас разрешить моей семье покинуть СССР.

Я прошу Вас продемонстрировать добрую волю за выполнение условий международного соглашения в Хельсинки, которое предусматривает объединение членов семьи.

Я обращаюсь к Вашему милосердию, господин председатель. Я прошу Вас проявить сострадание к двум гражданам СССР, жизнь которых волей судьбы не связана более с жизнью советского общества, и разрешить им отъезд из Советского Союза.

Гроссмейстер Виктор Корчной.

В момент моей пресс-конференции письмо было возвращено из посольства ко мне в отель. Конверт был надорван, внутри — ни слова ответа. Что ж, дипломаты каждой страны по-своему понимают свой долг. Наверно, с письмом господину Дж.Картеру такого бы не случилось.

Не будем наивны — с содержанием письма, конечно, ознакомились члены посольства, некоторые члены советской делегации и, без сомнения, ряд членов советского правительства. После получения письма в посольстве воз-

никло замешательство. За заплечных дел мастером Батуриным была срочно послана машина, и он был доставлен в посольство для консультации. Но прямого ответа на письмо так и не последовало. Через месяц с лишним полковник Батуринский в своем заявлении упомянул о политических инсинуациях и провокациях Корчного накануне матча, имея в виду прежде всего мое письмо Брежневу.

Распространенная логическая ошибка — замена местами причины и следствия, охотно допускаемая советскими в политических спорах! Что же все-таки провокация — факт пленения моей семьи советскими или упоминание этого факта?!

Итак, 2 июля в Манилу прибыла моя группа в составе 5 человек. А на следующий день приехали советские в составе 14 человек... Читатель может понять из первой части книги, что я был психологически готов к жестокой борьбе, но тем не менее факт прибытия столь крупного отряда вызвал у меня состояние депрессии.

4 июля была пресс-конференция советской делегации. Прошла она довольно скучно. Я на конференции не был, меня и не приглашали.

В своем заявлении Батуринский отметил, что они приехали играть в шахматы, чистые шахматы. И почему-то никто из корреспондентов не спросил, если они приехали именно с этой целью, почему их так много! Впрочем, советские, сколько могли, пытались держать в тайне количественный и качественный состав своей делегации. Кто-то из корреспондентов задал вопрос о моей семье. Но у советских был все тот же придурковатый ответ: "Мы приехали играть в шахматы, больше ничего не знаем".

Раскрытию этого вопроса о составе советской делегации была посвящена моя пресс-конференция на следующий день.

Я зачитал свое письмо Брежневу, я отметил, что ответ-

ственность за бедственное положение моей семьи несет советская федерация шахмат, что, если бы Карпов хотел, он, ввиду своего исключительного положения в СССР, мог бы добиться, чтобы семью отпустили. Снова – в который раз! – я отметил, что такой человек, как Батурицкий, по общепринятой морали – преступник, не имеет права возглавлять делегацию, прибывшую играть в шахматы. Пользуясь присутствием на конференции Таля, я бросил упрек и ему. "Не имеет права гроссмейстер, – говорил я, – писать о другом гроссмейстере гадости, заведомую ложь". Я показал ему в лицо газету, где Таль писал, что низкопробные трюки Р.Фишера давно превзойдены Корчным в матче против Спаского.

Имеет право, дорогой читатель! Представьте себя гроссмейстером экстра-класса и что Вам три года не дают выехать на международные турниры за границу – Вы и не такое согласитесь написать!

О составе советской делегации я знал тогда немного и ответил на этот вопрос довольно сумбурно.

Еще один вопрос был занимателен. Не опасаясь ли я за свою жизнь, спросили меня. Я ответил, что в этом матче я нужен Карпову, как партнер, и если я проиграю, то все нормально. Но если мне удастся выиграть этот матч – вот тогда, как никогда раньше, мне придется опасаться за свою жизнь!

Через несколько дней, по нашей настоятельной просьбе, Кампоманес разрешил нам взглянуть на паспорта приехавших советских, но ничего записывать не позволил. Не сразу разобрались мы – кто есть кто, но сейчас, наконец, я могу кое-что рассказать. Итак:

1. Карпов.

2. Батурицкий, руководитель делегации, юрист.

3. Калашников – заместитель руководителя делегации, агент КГБ, образование высшее техническое.

4. Балашов — гроссмейстер, участник предстоящего межзонального турнира, старший тренер.

5. Зайцев — гроссмейстер, второй тренер.

6. Таль, экс-чемпион мира, корреспондент газеты "64", третий тренер. Собственно, каждому было ясно, что он активно assisteрует Карпову, но обнародовано их сотрудничество было только после матча.

7. Рошаль — корреспондент ТАСС, агент КГБ (профессиональный лжец — В.К.).

8. Гершанович — личный врач Карпова, крупный специалист-терапевт.

9. Зухарь — личный психиатр и психолог Карпова, известный в СССР специалист в поддержании парапсихологической связи с космонавтами, находящимися вдали от Земли.

10. Крылов — специалист по физкультуре, агент КГБ.

11. Пищенко — личный телохранитель Карпова, агент КГБ, крупный специалист по карате.

12. Повар-диетолог, фамилии не помню, записать не разрешили. Как стало ясно во время матча, специалист по приготовлению наркотиков в съедобном виде.

13,14. Переводчики с английского и испанского языка, тоже — советские разведчики.

Добавим, что вскоре после начала матча Карпов затребовал советского массажиста, хотя на Филиппинах в этих специалистах недостатка нет. Ему, действительно, прислали — то ли из посольства, то ли из Советского Союза. Добавим, что матч "курировали" работники советского посольства в Маниле, то один, то другой, то сразу несколько всегда сидели в зале в первых рядах. Добавим, что по ходу матча в Багио прибыли — Васюков, гроссмейстер, четвертый тренер, Севастьянов — космонавт, руководитель шахматной федерации СССР, Ивонин — управляющий всеми шахматными делами в СССР на посту зам.председателя комитета спорта СССР.

Вот, читатель, в центре какого шабаша чертей я оказался!

Мы приехали в Багио. Погода была скверная, было скучно. Впрочем, мы работали.

Изучили дачу, предоставленную нам на время матча организаторами, одобрили ее. Это, кстати, тоже идея Карпова — загородный дом на время матча. Идея претенциозная, показывает размах молодого чемпиона: не каждый организатор способен тратить такую уйму денег! Хорошо, что правительство Филиппин отпустило на проведение матча 1 млн. долларов — нужен был этот матч правительству! При помощи этого дорогостоящего мероприятия нужно было упрочить связи Филиппин с Советским Союзом...

9 июля в Багио прибыл главный судья матча, немецкий гроссмейстер Лотар Шмид. Мы предложили начать переговоры, уточняющие детали матча, чтобы не спеша все обсудить. Но советские настаивали начать переговоры за два дня до начала. Настаивали и настояли!

Почему это, когда русские настаивают, они всегда добиваются своего?! Наверно, они всегда правы! Интересно, что по этому поводу думают в Китае...

Своеобразным было открытие матча — в два этапа. За день до официальной церемонии посол СССР на Филиппинах устроил прием в Багио. Мы, естественно, не были приглашены. На приеме присутствовал президент Маркос. Чествовали чемпиона. Президент держался стойко и дипломатично отклонил тост за победу Карпова. Для нашей группы организатор тоже устроил в тот же вечер коктейль-пати. Ни сам организатор, ни президент республики на нем не присутствовали...

В тот же день Батурицкий "по поручению чемпиона" — эту формулу нам в дальнейшем не раз пришлось выслушивать — издал свое заявление. Заслуживают упоминания четыре пункта этого меморандума. Карпов в интересах под-

держания нормальной спортивной обстановки соглашался пожимать руки стоя перед игрой, за исключением ситуации, если один из двух на игру опаздывал. Карпов возражал, чтобы я носил на игру счетчик Гейгера. По его мнению, я мог просить организаторов проверить зал, а если у меня и в этом случае оставались сомнения, он был согласен, чтобы проходящих в зал членов делегаций осматривали, как в аэропортах! Карпов не возражал против использования мною замысловатого кресла, но требовал подвергнуть его проверке, т.е. разобрать перед матчем.

Последний пункт письма принадлежит, бесспорно, перу самого Батурина. Полувопросительно, полуутвердительно, с угрозой в подтексте, он запрашивал, существуют ли меры для того, чтобы охранить участников матча и других уважаемых лиц от оскорблений. Непокоримый и мстительный, как сама советская власть, он давал мне понять, что за мое выступление на пресс-конференции он со мной рассчитается!

На следующий день для обсуждения настоящих проблем матча собралось так называемое апелляционное жюри. Жюри было составлено доктором Эйве, составлено с присутствующей ему, гражданину Западного мира, объективностью. Вот его состав: Батуринский, Лееверик, Малчев (Болгария), Эдмондсон (США), Шмид (ФРГ), Кампоманес, Лим Кок Ан — председатель (Сингапур). Состав выглядит вполне нормально — Батуринский и Лееверик представляют собой два полюса, Малчев, пожалуй, должен быть скорее на стороне советских, зато Эдмондсон, представитель страны, борющейся за гражданские права во всем мире, должен скорее тянуть в мою сторону. Главный судья, организатор матча — их нейтральная позиция очевидна! А председатель? Ну, председатель, вообще, должен быть образцом объективности!

Извините за небольшую лекцию, читатель. Знаете ли Вы, что в СССР объективности в политических вопросах не

существует? Великий практик коммунистического строительства Владимир Ильич Ленин заклеил это понятие еще до рождения советского государства! Не будучи кремлинологом, я цитирую его высказывания по памяти, приблизительно к тексту: "Объективность — тягчайший грех. Стоящий на позициях объективности неизбежно скатывается в болото буржуазного оппортунизма. Буржуазная объективность (или объективизм) — самая страшная опасность для коммунистической партии!"

Деятели советского государства впитали в кровь это указание вождя. Не существует логики, честности, объективности в политической конфронтации (а какая конфронтация не носит политического характера?!). То, что нужно советским, то и есть логично, честно, объективно! И западный деятель, имеющий дело с советскими, не приученный к такой морали, — оказывается в тупике! Он пасует перед людьми, убежденными в своей правоте, нахальными, бескомпромиссными, готовыми на самопожертвование ради своей идеи!

Вот почему коммунизм с его стратегией насилия, с его политикой кнута и пряника, победоносно шагает по миру, захватывая все новые позиции в Африке, Азии, Америке! И пока на Западе не будет видоизменено понятие объективности, пока не появятся деятели нового типа — столь нахальные, бескомпромиссные, так же готовые на самопожертвование, так оно и будет — коммунизм не остановить!

Я мог бы привести десятки примеров из политической жизни мира на эту тему. Но мы отвлеклись в сторону от нашей древней благородной игры...

Так и получилось. Объективное жюри немножко поартачилося, а потом пошло на поводу у советских — голосуя против меня, голосуя против своих собственных решений, голосуя против своей совести! — уступая оголтелому, без-

удержному напору советских — лишь бы они были довольны, лишь бы стало тихо, наконец.

Как тут не вспомнить! Советский Союз — инициатор демагогической кампании за мир во всем мире! А внутри страны люди говорят: "Да, войны-то не будет. Но борьба за мир будет такая, что камня на камне не останется!"

Но вернемся к самому первому заседанию жюри. Должны были обсуждаться важные вопросы. Еще не ясно было, насколько энергичны будут советские, неясна была членам жюри и позиция друг друга. Скажем, Малчев — представитель подчиненной Советскому Союзу страны. Нельзя же охаивать весь болгарский народ! Есть же там люди, склонные к объективности! (Опять это дурацкое слово!) Не будет же Малчев простым придатком Батурицкого, не будет же он, как попугай, повторять слова "старшего брата"! Будет, именно так и будет, без стыда и совести! (Запомните, читатель, согласно Ленину — "совесть" — это понятие классовое!) А Кампоманес? Хотя, по слухам, он уже до матча договорился с советскими, но должен же он соблюдать декорум! Быть нейтральным... А Лим Кок Ан? По-видимому, это ставленник Кампоманеса, он будет исполнять его волю. Но в Сингапуре не очень радушно относятся к коммунистам. Ах, да — прошел слух, что юношеские годы Лим Кок Ан провел в Шотландии, где в 1939 году был членом компартии. Ну, что вы — это грехи молодости, это не играет роли...

Увы, все играет роль, и в этом нам скоро пришлось убедиться...

Итак, первое заседание жюри. Присутствует доктор Эйве, несколько разряжая накал страстей своим авторитетом.

Центральный вопрос — могу ли я играть под флагом — флагом Швейцарии. Если да — значит, я нахожусь под защитой швейцарского государства, шахматной федерации Швей-

царии. У нас есть бумаги. Швейцарская федерация поддерживает меня, государство согласно — хочет взять меня под свою опеку. Батуринский заявляет, что по правилам ФИДЕ я должен один год находиться в стране, чтобы иметь право на флаг. Эйве отвечает, что в правилах ФИДЕ такого пункта нет.

Покидая Германию, главный судья Л.Шмид запросил мнение авторитетной независимой юридической организации по этому вопросу. Это мнение, в виде трактата на 10 страницах, зачитывается. Суть рассуждения юристов — для того, чтобы обеспечить правовое равенство в матче, мне нужно разрешить играть под государственным флагом. Батуринский упирается. Он считает, что я могу играть только под флагом с надписью "без гражданства". Жюри не поддерживает его. Все ясно: у юридической организации и у — пока еще объективных! — членов жюри стремление к равенству участников, у советских — наоборот. Батуринский в бешенстве! Потеряв самообладание, с пеной у рта он срывается с места: "Я — ответственный представитель советского государства, — кричит он. — Если у Корчного будет флаг, мое правительство не согласится начать этот матч!" — И хлопает дверью.

Вот это да! Вот это козырь! Матч не состоится?! А как же быть организаторам, которые затратили столько усилий и средств?! Я понимаю Кампоманеса — на следующий день он голосовал за Батуринского. Логично — я могу отказаться играть без флага, матч со мной не состоится. Ну что же, приедет Спасский! Да здравствует ФИДЕ и подготовленные ею правила матча!

На следующий день жюри раз и навсегда сдалось шантажу советских. Большинством 4 против двух при одном воздержавшемся (Шмид, Лееверик, Лим Кок Ан) меня лишили флага. Затем в связи с моим неудовольствием было принято компромиссное предложение Эдмондсона — на сцене рядом

с флагами ФИДЕ и Филиппин будет флаг СССР, на столе для игры — флагов нет.

Прав все-таки старик Ленин — объективности — золотой середины — не существует! Объективный Л.Шмид запасся объективным мнением юристов и — сыграл мне на руку. А нейтральный Э.Эдмондсон, к сожалению, большой любитель компромиссов, только помог советским в их, еще не легком, положении. Отныне я был лишен не только и не столько флага, а юридического равенства!

На следующий день было торжественное открытие матча. На сцене присутствовали мы с Карповым и руководители наших групп, а также посол СССР Михайлов. В центре президиума находился президент Филиппин Маркос. При открытии, наряду с гимнами ФИДЕ и Филиппин, должен был исполняться и советский гимн. Неясно было, должен ли был я оказать честь гимну страны, которая оскорбляла и оскорбляет меня, которая, нарушая декларацию свобод, репрессирует мою семью. И вдруг заиграли "Интернационал" — гимн коммунистических партий мира! "Где я, уж не на съезде ли КПСС?" — подумалось мне. Зал поднялся, встал и президент Маркос. Остались сидеть мы с фрау Лееверик. В конце концов только коммунисты обязаны отдавать честь этой музыке. Что это было — ошибка? Преднамеренная или случайная? Или все случилось, как и было задумано, чтобы продемонстрировать кардинальный поворот Филиппин в международной политике?

Позже в тот же вечер был торжественный ужин. За почетным столом сидели президент Маркос, справа от него Карпов, слева — я. Перед началом ужина я тихонько вручил Маркосу личное письмо с просьбой помочь моей семье. За столом во время ужина он прочитал его и обещал подумать, как бы устроить это дело. Ответа на это письмо я никогда не получил.

В связи с отрицательным решением жюри я получил несколько интересных писем. Вот письмо из штата Техас (США): "Мы недавно узнали, что Вы играете в шахматы без права на знамя или гимн. Это жаль, поскольку Вы производите впечатление подлинной личности, человека, который не боится нести ответственность за свои убеждения. Такие люди – редкость в мире... Здесь, в Техасе, мы восхищаемся людьми такой целостности характера. Мы предлагаем Вам самое ценное, что у нас есть – флаг Техаса. Одинокaя звезда символизирует самобытность Техаса.

Пусть Божья длань придаст Вам силы!

P.S. Желаем Вам приколоть продубленную Вами шкуру Вашего противника к Вашему сараю!

Вин Харрис, Джеймс Мансур."

К письму была приложена посылка со знаменем штата Техас!

Я пользуюсь случаем поблагодарить граждан штата Техас за этот драгоценный подарок!

А вот другое любопытное письмо, написанное из организации, находящейся в Маниле: "В Юго-Восточной Азии есть маленькая страна, которую мы представляем в некоторых случаях, ввиду отсутствия дипломатических отношений. Эта страна не является членом ООН и никогда туда не обращалась. Она назначила посла на Филиппины, но его полномочия пока что не признаны президентом Маркосом. Нам поручено сообщить Вам, что если Вы попросите, Вам будет разрешено играть под флагом этой страны, и Вам доставят сам флаг. Если Вы желаете этого, Вы получите гражданство до начала матча. Если этой подъемной силы для Вашей борьбы недостаточно, Вы могли бы быть назначены президентом национальной шахматной федерации со всеми полномочиями. Если недостаточно и этого, тогда Вы можете стать по-

слом страны на Филиппинах, и в этом случае президент Маркос должен будет признать Ваши полномочия”.

Что ж, очень приятно получить такое письмо. Но опасаясь прямых политических столкновений с президентом Маркосом — уже не вокруг шахматной доски, а вокруг острова в Южно-Китайском море, я не принял предложенную мне синекуру...

За ужином президент обращался по очереди то к Карпову, то ко мне. Мы разговаривали о положении шахмат на Филиппинах, о некоторых экономических и политических проблемах. Я рассказывал о себе, как и почему я покинул СССР. Позже я рассказал ему историю, как, гуляя по ночному Багио, мы наткнулись на китайский сад, где был вывешен лозунг ”Да здравствует филиппино-китайская дружба!” ”Вот это наша надежда!” — сказал один из нас. После этого президент в разговор со мной уже не ввязывался.

НАЧАЛО МАТЧА. ПЕРВЫЕ СЮРПРИЗЫ

17 июля, во вторник, состоялась первая партия. Крохотная, никем не замеченная деталь. Расписание дней игры было составлено за несколько месяцев вперед. Там значилось, что игра будет по понедельникам, средам, пятницам. Позднее Кампоманес передвинул расписание на один день. Ввиду бессвязности предложенного им объяснения, я понял, что сделал он это по требованию советских.

Карпов, ясность и гибкость ума которого превозносятся всем миром, — самая суеверная личность, которую я когда-либо встречал. Он не любит играть по понедельникам (в Советском Союзе не пятницу, а понедельник считают тяжелым несчастливым днем). Не так просто заставить его

поменять рубашку, галстук или костюм. Надо выиграть у него партию, и тогда он займется личной гигиеной!

Впрочем, тут я сгущаю краски. Я был поражен, увидев, как тщательно были приведены в порядок его ногти! В Советском Союзе это не принято, я этому не могу до сих пор научиться. Видимо, не зря едят хлеб кремлевские косметологи!

Первая партия была не слишком волнующей. Мне нужно было выяснить, какое оружие подготовил Карпов к матчу. Как выяснилось, вполне солидное. В матчах с Петросяном и Спасским мне уже приходилось искать противоядие против этой солидной системы ТМБ – Тартаковера-Макогонова-Бондаревского. В практике Карпова эта система фактически не встречалась. Партия закончилась вничью на 19-м ходу.

Во второй партии точно такая же задача стояла перед Карповым. Накануне матча мы немало поработали с М.Стином. По его замыслу я ввел в свой дебютный репертуар схему, с которой у Карпова получалось скверно: белыми он две партии свел вничью и одну проиграл. Стин очень много поработал, чтобы обогатить эту схему новыми идеями, я их одобрил и воспринял. Эта встреча, тоже без осложнений, окончилась вничью на 27-м ходу.

По ходу партии возникла новая проблема во взаимоотношениях с советскими. В середине партии Карпов получил от советской группы питание. Советские называли это "йогурт". И кто же может возражать, чтобы столь невинный продукт был внесен на сцену во время игры?!

Дело тут было не в названии, и даже не в содержании, а в принципе. Согласно пункту пятому правил ФИДЕ, связь игрока со зрительным залом запрещена. Однажды в Белграде фрау Лееверик пыталась передать мне шоколад, который я случайно забыл взять с собой на игру, но главный судья Кажич ей этого – резонно – не разрешил. Тот же Кажич

был на сцене и теперь, но никаких действий не предпринял...

Вообще я всегда беру с собой чай или сок на игру, плюс шоколад и что-нибудь еще. По-видимому, Карпов мог бы поступить точно так же, но он решительно отказался. Жюри потратило целый день, обсуждая эту проблему. Протест, который зачитала фрау Лееверик, был написан Кином в полусерьезной, полушутливой манере — дескать, можно рассматривать передачу йогурта как подсказку Карпову, где цвет продукта может указывать, какой тактики ему придерживаться во время партии. Был зачитан и ответ полковника, который с удовольствием подхватил шутку и развил ее, но отвечать по существу был не намерен.

В чем же дело? Почему Карпов не берет питание с собой? Продукт может испортиться. Нужно его приготовить и сразу подавать, иначе даже холодильник не поможет! Жюри, нарушив правила ФИДЕ, разрешило советским их действия.

Было интересно наблюдать, как советские носили "йогурт" подмышкой в течение двух часов, как передавали потом Карпову, как он моментально срывался с места и уничтожал продукт. Не заметили ли вы каких-то странностей, читатель? И я, я тоже заметил. Вдобавок заметил, что часто после "йогурта" Карпов начинал играть со скоростью пулемета! Нужна ли вам разгадка, читатель? Советские не доверяют никому на свете, а самое неприятное для них было, если бы удалось взять "йогурт" на химический анализ: хотя ФИДЕ не выразило своего отношения к допингу, весь мир относится негативно к употреблению допинга во время спортивных соревнований.

Третья партия была более насыщена содержанием, чем две предыдущие. Дебютные знания и понимание Карпова страдают неполнотой. Он скорее заучивает дебютные схемы, чем осмысливает их. Это многократно проявилось в матче. Так и в третьей партии — он применил чужую схему, потра-

тил много ходов, чтобы обеспечить черным позиционные плюсы на ферзевом фланге, а оказалось, что за это время белые достигли большого преимущества в центре и на королевском фланге. Черные попали под сильную атаку. К сожалению, возникшая во второй половине партии позиция — там, где нужно было провести стремительную атаку — а если не энергично, то атака могла не получиться — не вполне соответствовала моему шахматному стилю. В ответственный момент я не нашел сильнеешего продолжения, и Карпов защитился.

В четвертой партии я применил еще одну идею Стина. Я без труда получил равную игру. Карпов предложил ничью повторением ходов. Я мог бы и продолжать борьбу — у меня было чуть приятнее. Но не настолько, чтобы выжать выигрыш — решил я и согласился на ничью.

Накануне 4-го тура д-р Эйве сообщил, что он уезжает, а вместо себя назначает ответственным представителем ФИДЕ на матче Кампоманеса. Странно — будь он даже ангелом! — лицо, заинтересованное в финансовых проблемах матча, не может быть нейтральным во всех вопросах, связанных с матчем.

На 4-й партии Эйве уже не было. И по странному совпадению, на игре появился удивительный субъект! Он сидел в одном из первых рядов, пристально смотрел на меня, стараясь — без успеха! — привлечь мое внимание. Бесспорна была и связь его с Карповым. Вообще, он сидел все пять часов неподвижно, на одном месте — его усидчивости мог бы позавидовать и робот! — но в моменты, когда была очередь хода Карпова, он просто каменел. Можно было почувствовать колоссальную работу мысли в этом человеке!

Субъект мне не понравился. Я просил фрау Лееверик обратить на него внимание, по возможности не оставлять его одного в зале. Я попробовал поставить вопрос о нем на жюри — выяснить его личность и отсадить от сцены.

Первая попытка поставить вопрос о Зухаре на жюри окончилась полной неудачей. На запрос фрау Лееверик Батури́нский ответил с достоинством: "Придет время — мы вам скажем, кто это такой, а пока это турист!" Спустя несколько дней мы подали протест — мы попросили жюри, чтобы советские сидели на местах, специально отведенных для членов делегаций. Тут Батури́нский ответил, что существуют официальные и неофициальные члены делегаций. Что касается специальных мест, то это касается только официальных членов! В правила ФИДЕ я бы внес это заявление как "поправку Батури́нского". С точки зрения юридической, это полный абсурд. Если ни в правилах ФИДЕ, ни в письме чемпиона накануне матча не было деления на "официальных" и "неофициальных", значит — такого деления не существует. С точки зрения практической, это просто обман: тренеры и врач, не принимающие никакого участия в игре, сидят вдалеке, а психолог и вооруженные агенты КГБ — рядом со сценой! А Ивонин — официальный руководитель шахмат в СССР! Как он может быть "неофициальным членом"?! Тот самый человек, который в своем кабинете, вскрыв факты моего неповиновения, сообщил мне, какой каре я буду подвергнут. "А если Вы и дальше будете вести себя неправильно, — добавил он, — то мы с Вами — я не боюсь этого слова — расстанемся"... Ну, вот, и расстались мы с ним — только не так, как он подразумевал! А теперь один вид его вызывает у меня тошноту! И он "поправкой Батури́нского" получил право сидеть в первом ряду!

Что ж, признаем приоритет советских: в вопросе толкования законов — нет, не шахматных, а вообще — им нет равных!

А что же жюри? Оно без колебаний приняло эту поправку.

А пока игралась пятая партия. Вскоре после дебюта я применил новый ход, который нашел за доской. Я сразу по-

чувствовал реакцию Карпова — ход был неплохой, а что еще важнее — неожиданный для него. Позиция была примерно равная, но Карпову она оказалась не по душе. Я, чувствуя это, позволил себе играть более рискованно, чем обычно. Карпов не смог опровергнуть мою стратегию. Партия была отложена в нелегком для него положении.

Мне и сейчас трудно понять, как это случилось: ни секунданты, ни корреспонденты-гроссмейстеры, ни сам я — не видели записанного хода Карпова. Ход был, действительно, сильный, и мне пришлось за доской потратить минут 40, чтобы наметить дальнейший план игры. Вскоре после начала доигрывания я оказался в сильном цейтноте.

В моем цейтноте Карпов тоже начинает играть быстро. Ему кажется, что он видит все быстрее, дальше, чем я, и он хочет поймать меня на крупную ошибку, чтобы тут же, в цейтноте, решить партию. Забегая вперед, в ходе матча я и вправду допустил несколько грубейших просмотров в цейтноте, а он позволил себе множество мелких ошибок, так что получилось 50:40. А в этой партии, в запарке моего цейтнота, он позволил дать себе мат в несколько ходов, а я упустил этот шанс!

В дальнейшем мое преимущество оказалось недостаточно для выигрыша. Сперва я проверил точность защиты Карпова в трудном окончании, а потом, установив, что он хорошо усвоил домашнее задание, я позволил себе удовольствие поставить пат чемпиону мира. Во-первых, мне не нужно было в этом случае обращаться к нему с предложением ничьей. А во-вторых, как ни закономерен пат в шахматной партии, получать пат чуть-чуть унижительно. Смешно, но факт! И потому после этой партии Карпов счел себя в известной мере оскорбленным.

И еще кое-что в связи с пятой партией. Когда после продолжительного доигрывания была, наконец, зафиксирована ничья, советский полковник юстиции на глазах у чест-

ного народа расцеловал филиппинского миллионера Кампоманеса!

6-ю партию Карпов начал ходом 1.c4. Это свидетельствовало, во-первых, что он никак в своей лаборатории не мог найти оружие против идей Стаина, во-вторых, что он очень устал после предыдущей партии. Была в этом и еще одна идея — попытаться выведать у меня "разведкой боем", что я считаю лучшей защитой на 1.c4, и устроить мне "перекресток", т.е. играть потом эту систему против меня. Все это мне ясно. Ясно мне было, что мой большой опыт в игре белыми дает мне возможность дурачить Карпову голову, играть любые системы, кроме тех, которые я считаю самыми прочными: своих взглядов я не собирался открывать.

Я легко уравнивал игру, и Карпов вскоре предложил мне ничью. Тут я проявил слабование. Конечно, позиция не нравилась Карпову, времени он затратил тоже больше, чем я. Увы, я тоже не железный. Напряжение доигрывания отразилось и на мне, и я принял предложенную ничью.

Начало 7-й партии было отмечено инцидентом, который ввиду своей незначительности не был отражен прессой. Даже Кином — который позволил себе многое опубликовать, даже то, что было сугубо внутренним делом нашей группы, что не требовало публикации и что было просто вредно публиковать.

Напомню читателю, что накануне матча по моему предложению была принята церемония рукопожатия перед партией стоя. В своем предложении я особо отметил этот пункт, поскольку в 1974 году в Москве 23-летний Карпов был не слишком вежлив к своему 43-летнему противнику.

Придя на игру, я увидел сидящего Карпова. Он не поднялся, когда я подошел к столу. Я сел, но тут приподнялся Карпов и протянул мне руку. Он застал меня врасплох, на лице его появилась укорищенная улыбка, или усмешка. Справившись с законом инерции, через секунду поднялся

и я... Все прошло незамеченным для представителей прессы, Кина и даже главного судьи Л.Шмида.

Сейчас мне ясно, что это была тонко задуманная увертюра к спектаклю перед следующей партией.

Началась 7-я партия – пожалуй, первая из множества ненормальных партий этого матча. В обмен на неожиданность перед началом партии, я застал Карпова врасплох в дебюте! Я применил интересную идею Мурья и получил подавляющий позиционный перевес. Карпов сидел со слезами на глазах, бледный. А мне было не до него. Опасаясь советского психолога, я решил эту партию играть из укрытия – сидеть больше не за доской, а в комнате отдыха с монитором. Только когда Карпов делал ход, я волей-неволей садился за доску, не желая повторять поведение Спасского в матче со мной. С непривычки – обычно я привык сидеть за доской почти все пять часов – я играл далеко не самым убедительным образом. Я поспешил выиграть качество и дал моему противнику сильную позиционную компенсацию. В обстановке приближающегося цейтнота, не видя пути к выигрышу, я сделал один ход а ля харакири – и у Карпова образовались грозные проходные пешки, остановить которые в их неудержимом движении в ферзи могло бы только чудо! В обоюдном цейтноте это “чудо” случилось (сколько их потом еще будет в матче!) – отдав фигуру, я прорвался ферзем в лагерь противника!

И тут партия была отложена. Несмотря на частичный успех, все как один считали мое положение безнадежным. Мы с секундантами бросили беглый взгляд на позицию и пришли к выводу, что ее не спасти. Секунданты пошли отдыхать, а Кин отправился посылать очередной телекс в “Спектейтор”, где сообщил миру, что мне пора сдаваться...

Надо отдать должное фрау Лееверик, чутье которой подсказало, что в позиции еще есть шансы на спасение, что секундантам рано еще ложиться спать. Она привела ко мне

отбрыкивающегося Мурья (какова дисциплина в команде "свободного мира" — где уж нам соперничать с военизированной советской бригадой!), и вдвоём мы нашли путь к продолжению борьбы. Еще не верный путь к ничьей, а реальные шансы на спасение!

Представьте себе всеобщее удивление, когда на следующий день, взглянув на мой очевидный записанный ход, Карпов предложил ничью!

В чем дело? Ведь накануне, при анализе 5-й партии, наша группа продемонстрировала свою полную несостоятельность! А сейчас Карпов оказал более чем стопроцентное доверие к работе нашей группы!

Предоставим слово любителям. Вот одно из писем: "Мне кажется вполне вероятным, что делегация Карпова установила микрофоны (а, возможно, фотокамеру или подглядыватель) в комнатах, где вы анализируете отложенные позиции. Доказательство этому, что, когда израильский игрок нашел спасительный ход в позиции, которая казалась проигранной для Вас, Карпов на следующий день предложил ничью сразу — то есть даже не ожидая выяснить, нашли ли Вы этот ход. Даже если допустить, что он открыл этот спасающий Вас ход самостоятельно, без подслушивания, конечно, в таком случае он подождал бы предлагать ничью и сделал бы пару ходов, чтобы убедиться, нашли ли Вы этот ход... Мортон Делман, Техас, США." В принципе я согласен. Другого объяснения этому парадоксу мы не нашли. Осталось осветить маленькую деталь. У нас в отеле было мощное охранение. Без разрешения моего или Кампоманеса в наши комнаты вряд ли удалось бы проникнуть и таракану. Читатель поймет теперь, кто несет ответственность за установку в наших комнатах сверхчувствительного оборудования...

Нельзя обойти молчанием и деятельность Кина во время матча. Ежедневные телексы, посылаемые им в Лондон без ведома моего или фрау Лееверик, были другим источ-

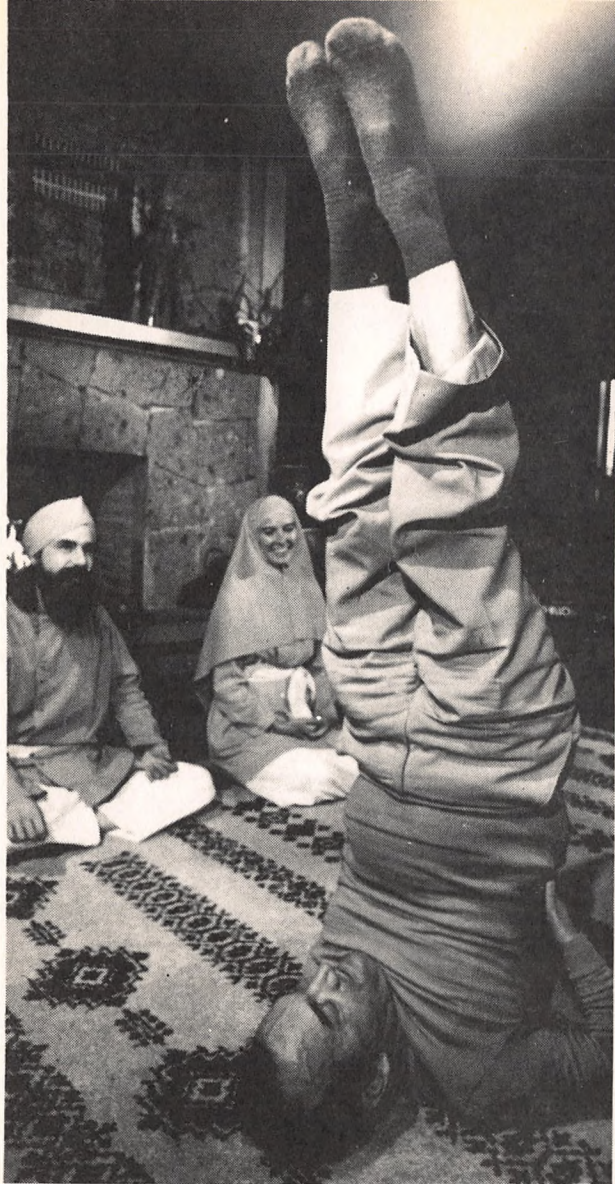

Корчной и Карпов
у президента Маркоса

8-я партия. Я пришел на игру — Карпов не поднялся.
Я сел, протянул руку. Карпов ответил, что с этого
момента подавать руку мне не собирается.

ником, из которого советские черпали информацию о работе нашего мозгового центра: каждая строчка проходила инспекцию Кампоманеса, который был тесно связан с советскими. И Кину это тоже было хорошо известно.

Будьте осторожны, участники будущих матчей! Возможности организаторов, если они избирают себе фаворита, очень весомы!

ОБСТАНОВКА НАКАЛЯЕТСЯ

Мое поведение во время 7-й партии не прошло незамеченным. Наша делегация подала протест против Зухаря, требуя отсадить его из передних рядов в глубь зала. А вот ответ Батуриного на него:

”... Доктор медицинских наук, профессор Владимир Зухарь прибыл... как член советской делегации (признал, наконец!), но... он не официальное лицо, предусмотренное правилами матча. (Однако официальный член советской делегации! – В.К.) ... Профессор Зухарь – специалист в проблемах психологии и неврологии с многолетней практикой и безупречной профессиональной репутацией (до сих пор! – В.К.). На протяжении последних нескольких лет он консультировал чемпиона мира в сфере своей специальности. В современном спорте, включая шахматы, проблемам психологии уделяется немалое значение, и немало спортсменов пользуется услугами психологов и их советами как во время подготовки, так и в период соревнования. Случайно, в своей книге, опубликованной в Голландии в 1977 году... Корчной говорит, что в 1974 году во время официального матча претендентов прибежал к услугам некоего психолога из Ленинграда. (Ну и что, были жалобы?)

...Присутствуя на матче в Багио, Зухарь внимательно

изучает общее психологическое состояние чемпиона мира, то же во время игры, и одновременно, что не запрещается правилами, поведение его противника”.

Далее Батурицкий доказывает, что Зухарь не нарушает никаких правил. Используя в свою пользу юмористические обороты письма Кина, он пишет, что, если во время всех игр Зухарь ни разу не сходил в туалет, в этом тоже нет криминала.

”...В своем письме Кин указывает, что само присутствие Зухаря в зале, его прикованный к Корчному взгляд беспокоит последнего. Кин также намекает на гипнотические способности Зухаря. Эти обвинения абсолютно недоказательны как с научной, так и фактической точки зрения. Кстати напомнить, что подобные безосновательные подозрения и обвинения Корчной высказывал раньше в матчах, например, с Талем в 1968 г., Карповым 1974 г., Спасским 1978 г.”.

Последняя фраза требует специального комментария. Батурицкий неплохо осведомлен – лучше, чем я! Он включил в список матч с Карповым 1974 года, о котором я не только не высказывал, но и вообще не имел подозрений! Вот после этого упоминания каждому ясно, что и там была попытка психологического воздействия! ”На воре шапка горит”, – говорит русская пословица!

Что касается матча с Талем, тут полковник в поисках фактов вспомнил не то, что надо. Да, я ощутил гипнотическую связь между Талем и его врачом. По моему настоянию врача убрали в середину зала на 7-й ряд. Это – прецедент, который при отсутствии законов юристы особенно ценят!

Но почитаем дальше – чем маститый юрист еще удивит мир:

”Такие жалобы на влияние сверхъестественных факторов в шахматной борьбе можно объяснить или нездоровой склонностью к преувеличениям, или желанием нарочно обострить атмосферу вокруг... матча. В связи с этим мы вы-

нуждены напомнить... что многие матчи с участием Корчного сопровождались скандальными ситуациями. Например, с Решевским 1968 г. (ложь!— В.К.), Талем 1968 г. (ложь!— В.К.), с Мекингом (ложь! — В.К.), Петросяном 1974 г. (смотри мою книгу "Моя жизнь — шахматы"— В.К.), Карповым 1974 г. (грубая ложь, только попробовал бы я! — В.К.), со Спасским 1978 г." (Шахматный мир не одобрил странное поведение Спасского, кроме советской шахматной федерации, его не поддержал никто! — В.К.) .

В нормальной компании за ложь и клевету, сразу по вскрытии фактов, человека изгоняют, как жулика и проходимца. Но в жюри — лгун, псевдо-юрист с многолетним стажем оказался глашатаем справедливости. Итак :

"Базируясь на вышеизложенном (!— В.К.), мы считаем обвинения и подозрения в адрес Зухаря, также и требование определить его место в зале, в отличие от других зрителей, не говоря об его изгнании из зала — как беспочвенные и непристойные!"

Типичный образец советского юридического стиля! Заявление не отвечает на главные вопросы, а, в свою очередь, валит грязь на своего оппонента, стараясь перенести на него вину за свои нарушения!

Кто он, Зухарь? Если официальное лицо, пусть сидит вместе с официальными лицами! Если неофициальное — почему именно Батуринский его защищает, он же не советский посол на Филиппинах?! Почему Зухарь должен сидеть близ сцены? Кто мешает ему наблюдать за игрой в бинокль изда-лека? Если он мне мешает, его нужно удалить из пределов моей видимости — это все, что я прошу. Если он сидит на зрительной связи с Карповым и поддерживает эту связь во время игры — связь со зрительным залом по правилам ФИДЕ запрещена! — его надо отсадить!

Оставим ненадолго эту проблему. У советских — большая команда, и трюков в их распоряжении — не счесть!..

8-я партия. Я пришел на игру — Карпов не поднялся. Я сел, протянул руку. Карпов ответил, что с этого момента подавать руку мне не собирается. Я обратился к главному судье — согласно достигнутому перед матчем соглашению, его нужно было предупредить заранее, чтобы он предупредил меня. Шмид ничего не понял, он был не в курсе дела. Он посмотрел на часы, не опоздал ли я. Нет, все было в порядке!

Я был вне себя. Это было очевидное, вероломное нарушение договора!

Впоследствии Лотар Шмид сказал, что, если бы я потребовал отложить партию, он не стал бы возражать. Но это мне в голову не пришло — я робею перед хамством. Чтобы убедиться, что я употребил правильное слово, я приглашаю читателя взглянуть два снимка, запечатлевшие этот момент.

Признаться, перед матчем я репетировал этот момент, момент возможного вероломства Карпова. Но так, как это произошло — скотская форма отказа Карпова! — попробуйте отрепетировать поведение пассивной стороны в июне 1941 года в СССР, в августе 1968 — в Праге, в ноябре 1979 — в Тегеране. Варвары законов не признают!

Заряд попал в цель. Я играл, как ребенок. Карпов неплохо провел атаку. В турнире шахматистов 1-го разряда такая партия была бы оценена довольно высоко...

По ходу партии А.Рошаль давал запоздалую пресс-конференцию, зачитывая "от имени Карпова" заявление:

"На протяжении многих лет Корчной позволяет себе оскорблять Карпова, некоторых других гроссмейстеров и хорошо известных шахматных активистов. (Батурицкий! — И страшно подумать, что случилось бы с мировыми шахматами, если бы пару десятков лет назад "чрезвычайное совещание" ликвидировало бы этого активиста! — В.К.) Движимый желанием пойти навстречу милым организаторам матча, чтобы матч прошел в нормальной спортивной обстановке,

Карпов согласился на рукопожатие и поступал так, хотя даже потом (подчеркнуто мною — В.К.) Корчной на пресс-конференции в Маниле снова позволил себе оскорблять чемпио-на и членов его делегации”.

Во-первых, не потом, а перед заключением соглашения, а во-вторых, если не хочешь, чтобы членов твоей делегации оскорбляли, подбирай себе людей, а не полковников. А если Карпов посчитал оскорблением, что я считаю его ответственным за бедственное положение моей семьи в СССР, значит это правда! Правда, которая по образному русскому выражению — ”глаза колет”!

И, наконец: ”Недавние события показали, что претендент не прекратил своей линии нагнетания напряжения. Ввиду всего этого Карпов не желает больше рукопожатия с Корчным”.

А что это за недавние события?! Пат, или попытка отсадить Зухаря? Напомню — моя пресс-конференция была 4 июля, письмо Карпова с согласием на рукопожатие — 12 июля, заявление Рошалья—Карпова — 3 августа. Не нужно быть тонким психологом, чтобы понять — принятие моего предложения о рукопожатии было только маневром, чтобы выгодно использовать отказ от него.

Как осветила этот момент пресса? В основном, оценила по достоинству, правильно. Правда, в книге Я.Доннера это все оценено по-другому. ”Странно, что обычно такой корректный, Карпов допустил некрасивый поступок, но — Корчной его вынудил своим поведением”. Ну, конечно, господин Доннер, в 1939 году Финляндия своим поведением вынудила Советский Союз напасть на нее, а потом и Голландия вела себя так плохо, что немцы вынуждены были ее оккупировать!

Известная своей беспристрастностью, советская пресса ничего не сообщила о происшедшем инциденте — не сообщать же советскому читателю, что Карпов одно время до-

бровольно пожимал Корчному руку. Из тактических соображений — но попробуй объясни это читателю!..

Прошло несколько дней, прежде чем мне удалось публично ответить на выходку Карпова в 8-й партии и на заявление Рошаля. В моей группе, к сожалению, не было свободных людей, специалистов, которые занимались бы ежедневными склоками, публикацией заявлений. Я не в силах был перекрыть поток лжи, распространяемой советским аппаратом, но молчание означало бы признание вины. Мне самому приходилось во всем принимать участие, но я с удовольствием этим занимался. Очередное заявление для прессы было написано одним из наших друзей. Я перевел его на русский, фрау Лееверик — на немецкий с русского. Затем оно было переведено с немецкого на английский — в этом деле у нас были знатоки. Так, по-английски, оно было зачитано фрау Лееверик. Как видим, это выступление против советских было плодом коллективного труда людей многих стран — неплохой пример для политических деятелей всего мира. Вот главные пункты письма:

”Корчной выражает сожаление, что перед началом матча сам предложил пункт о рукопожатии. Сделал он это из уважения к филиппинской публике — чтобы хотя бы на сцене соблюсти декорум этого странного матча...

Многочисленная, умно подобранная свита Карпова пытается убедить мир, что Карпов играет в ”чистые шахматы”, в то время как Корчной, грубо говоря, играет в политику.

Считает ли Карпов попытки Корчного вызволить семью из заточения в Советском Союзе неестественными? Считает ли Карпов, что Корчной, отказавшись от советского флага, потерял право на все остальные флаги в мире? Корчному известно, что Карпова учили в школе, что его страна самая большая в мире. Корчной надеется все же, что интел-

лектуальный уровень Карпова позволяет ему разглядеть некоторые другие страны мира.

Считает ли Карпов этичной свою попытку, используя услуги таинственного Зухаря, снова без борьбы стать чемпионом эдакого советского мира в шахматах?

Что касается рукопожатия, Корчной заявляет, что покинул СССР между прочим и ради того, чтобы избежать необходимости пожимать руку людям вроде Карпова и ему подобных. Корчной принял решение с начала 9-й партии прекратить все отношения с Карповым. Ничья должна предлагаться только через главного судью.

Корчной... с этого момента и до конца матча будет играть с особым чувством — слыша, как в карманах его противника звенят ключи от темницы его семьи; если не в карманах невинного и честного ученого Зухаря или Батуринского, который был и, без сомнения, остался профессиональным тюремщиком.

Корчной хотел бы, чтобы журналисты — представители стран, где существует свобода слова, известили читателей о его решении”.

(Перевожу с английского — координируясь с английским текстом заявления, имейте в виду, что русский текст — оригинальный, а английский был сознательно смягчен!)

9-я партия. В спокойном положении я постепенно переигрываю Карпова. В миттельшпиле он испытывает серьезные трудности. По ходу партии в зале разворачиваются интересные события. Надо сказать, после 7-й партии, когда я скрывался от Зухаря, я нещадно обругал секундантов и фрау Лееверик, что они меня не поддержали в момент игры, что не потребовали удалить психолога. Во время 9-й партии фрау Лееверик, не предупредив меня, что собирается предпринять, обратилась с просьбой к главному судье удалить психолога или перенести игру в закрытое помещение. Разговоров на тему о Зухаре уже было предостаточно, но

Л.Шмид захотел еще раз убедиться в необходимости принятия мер. Он зашел ко мне в комнату отдыха и спросил, не мешает ли мне что-нибудь. Будучи в этот момент далеко от реального мира, не подозревая цели вопроса, я ответил: "Нет-нет, ничего". Следствием моего ответа было, что радикального решения вопроса не получилось. Все же главный судья решил отсадить его от сцены подальше. Охота за "маститым ученым" продолжалась в течение всего турнира. Его отсаживали, он возвращался обратно, его пересаживали снова — не так просто применить крутые меры к хулигану, который гримируется под ученого...

Что касается партии, то без поддержки своего психолога Карпов играл бледно — в сравнительно простом положении я переиграл его совершенно. В преддверии моего цейтнота Карпов предпринял отчаянную попытку жертвой пешки активизировать свои фигуры. Я прошел мимо форсированного выигрыша, не имея времени разобраться в осложнениях. Партия кончилась вничью.

На следующий день Карпов лично добавил масла в огонь. До тех пор он заявлений не писал — все делал его штаб "по поручению чемпиона". А здесь он не выдержал! Затронуто было самое уязвимое место чемпиона! Он выступил против гонений на Зухаря и обвинил главного судью Л.Шмида в необъективности. Вопрос обсуждался на жюри. На заседании после 7-й партии жюри предоставило судьям право решать вопросы о порядке в зале и целесообразности пересаживать тех или иных зрителей. На этот раз жюри признало действия Шмида во время 9-й партии неправильными и отныне, похерив свое собственное решение, запретило Шмиду заниматься этим вопросом.

Моя борьба с советским психологом была с живейшим интересом, сочувствием воспринята в десятках стран. Я получил массу писем с изложением научной точки зрения, с предложениями помочь. Вот письмо из Англии:

”...Я – парапсихолог из Кембриджа... я подумал, что, возможно, некоторая информация по поводу Зухаря и его деятельности была бы с интересом воспринята лагерем Корчного... Имя Зухаря неизвестно американским наблюдателям за парапсихологической сценой русских, хотя это ничего не значит, поскольку парапсихология русских держится в строгом секрете. Судя по тому, что я читал, похоже, что он пытается гипнотизировать на расстоянии или что-то вроде этого. Похоже, что он смог добиться в этом некоторого успеха, правда, на короткий отрезок времени – гипноз на расстоянии – это феномен, которым русские давным-давно интересовались. Как он этого достигает, это в конце концов не важно, но очевидна сильная концентрация – судя по сообщениям печати, как я слышал, что он сидит, уставившись на Виктора, вероятно, концентрируясь на его голове или лице.

Тонкий путь борьбы с этим... был бы посадить кого-то за этим человеком, чтобы они были прикованы взглядом к нему, а другие не отрывали бы взгляда от Карпова. Это имело бы эффект тот, что уже Карпов, а не Виктор находился бы под огнем, и по меньшей мере это бы лишило покоя Зухаря. Другая возможность была бы, что, кажется, в какой-то степени уже делалось – нарушить его концентрацию, отвлекая его. Я читал, что Зухаря пытались раздражать видом томов Солженицына. Так нужно поступать...

Карл Л. Сарджент. Кембриджский университет, лаборатория психологии”.

Вот другое письмо – из Швейцарии:

”С интересом следил за деталями Вашего конфликта с Карповым и, особенно... с Зухарем... Хотел бы отметить, что присутствие в зале людей, обладающих способностью внушения, в нескольких метрах от Вас – игра для детей. Действительно, в подобной ситуации, я никогда бы не позволил любому, тренированному в применении психологии, сидеть в том же помещении. Мы постоянно проводим такие

эксперименты, причем даже стены комнаты не представляют собой барьера, который предохранил бы мозг от влияния извне.

Доктор Роберт Ф.Клайн фон Венин-Пабур – президент международного общества бессловной психотерапии и психосинтеза”.

Эти письма зачитывались на жюри в качестве мнения специалистов о деятельности Зухаря. Но единственное, чего удалось добиться, что Зухарь добровольно, по-джентльменски, обещал сидеть в 7-м ряду...

10-я партия. Наряду с новыми видами психологического оружия, советские вводят в бой и новинки на шахматной доске. Видимо, по заранее разработанному плану это должно идти бок о бок... Партия сложилась нелегко для меня. Карпов поймал меня на заготовленный дома вариант. Рассказывают, что он анализировал его задолго до матча. А применить в начале матча не решался.

Надо отдать должное его тренерам – они «приготовили красивую штуку – новое слово в теории дебютов! Среди его большой группы тренеров, исключительно сильных практически, но обделенных Богом в воображении, только скромный, трудолюбивый интеллигент, честный фантазер Зайцев мог найти такое! Этот человек всюду меня преследует, он уже третий матч сопровождает моих противников. Жаль, я с удовольствием взял бы его в свою группу! У меня он развил бы свой талант и получил бы всемирное признание!..

Мне пришлось решать за доской труднейшие проблемы. Я потратил массу времени, но справился с поставленными задачами лишь наполовину. Кое-как удалось перейти в эндшпиль, и хотя положение было все еще трудным, но, как говорят гроссмейстеры, ”дальнейшее было делом техники”. При активной поддержке Карпова мне удалось выравнять шансы. Ничья на 41-м ходу.

11-я партия. Зухарь — ни дать, ни взять — джентльмен! — сидит смиренно в 7-м ряду, а впереди него тут и там зрители. Ну, никаких привилегий выдающемуся ученому!

Я разыгрываю начало необычно. В непривычной для Карпова на доске ситуации он начал плавать, допустил несколько неточностей, и я получил явный перевес. В позиции закрытого типа Карпов мог, казалось, защищаться долго и упорно, но он вскоре допустил грубый зевок, потерял качество, и борьба была окончена... Не стану по примеру советских превозносить свою победу. Да, Карпов играл слабо, настоящей партии не получилось...

В советской печати после матча Карпов высказался странно об этой партии: "Не могу объяснить, что случилось. Чувствовал себя отлично, а играл слабо". Ну, что же, с шахматной точки зрения я уже объяснил: у Карпова все отлично получается, когда полпартии записано в тетрадке, а если надо самому работать с первого хода — тогда другое дело. Но ведь не на это намекал Карпов своим читателям. Он намекал им, что его бедняга-психолог сидел в 7-м ряду и не в силах был помочь чемпиону. И, пожалуй, еще на кое-что из этой области.

Дело в том, что к 11-й партии прибыл мой психолог, В.Бергинер, из Израиля, и никем не uznанный спокойно занял место в 5-м ряду.

Позвольте теперь мне самому изложить взгляды — взгляды любителя и в некотором роде объекта на психологию и парапсихологию. Никто не сомневается — гипноз существует и представляет собой огромную силу. Несколько лет назад в печати сообщали об опытах в Советском Союзе — людям внушали, что они — знаменитые художники, и они, никогда не бравшиеся за кисть, рисовали неплохие картины! Пару лет назад Таль участвовал в подобном опыте. Его противнику, посредственному шахматисту, внушили, что он — Морфи! Встреча началась с того, что партнер Таля потребо-

вал гонорар за игру! Затем началась партия, и Талю пришлось немало поработать, чтобы в конце концов обыграть новоявленного гения.

Именно такая связь существовала между Зухарем и Карповым — связь, которая, согласно правилам ФИДЕ (пункт 5), запрещена.

Такая связь требует полной согласованности между врачом и пациентом, взаимного доверия и понимания. Связь эта тем прочнее, чем ближе дистанция между врачом и медиумом. Очень важно поддержать ее иногда во время игры — взглядом друг на друга, скажем.

Возможна ли поддержка на расстоянии — вне зрительной, пусть даже односторонней связи? Это так называемая телепатия, из области — уже — парапсихологии. Это пока научный или, точнее сказать, военный секрет. В супердержавках — СССР и США этим вопросом занимаются очень серьезно, но результаты публикуют неохотно. Зато — советский суд осудил на 13 лет тюремного заключения А.Щаранского за якобы передачу секретных сведений американской разведке о достижениях советской передовой науки в области электроники и парапсихологии!..

Что ж, если такая сила существует — тут уже правила ФИДЕ бессильны!

Вполне вероятно, что такая связь у Карпова была уже раньше — например, во время его участия на турнире в Германии в марте 1977 года. Возможно, под пышной шевелюрой чемпиона, кстати, не так давно выращенной, находятся вживленные в мозг электроды — для усиления этой связи. Как бы то ни было, парапсихологическая связь во много раз менее действенна, чем прямая — психологическая — между врачом и контрагентом. При этом, чем короче дистанция, чем меньше помех вокруг и, особенно, спереди, тем выше эффективность.

Примерно так же обстоит дело с негативным влияни-

ем. Англичане рассказали мне после матча: ничто так легко не передается на расстоянии, как заряд ненависти! Но депрессирующее влияние этого враждебного пучка энергии — все равно — едва ощущается человеком, на которого это направлено.

Другое дело, когда он видит, откуда эта энергия направлена! Тут мы снова попадаем в сферу чистой психологии! Не случайно Зухарь пытался использовать любую возможность встретиться со мной лично — подкарауливал меня, когда я входил в здание и выходил из него, посещал все официальные и неофициальные приемы, если я должен был там находиться, посещал и мою гостиницу...

Нужно отметить, в качестве парапсихолога Зухарь выступил на матче неудачно, зато его психологическая активность дала отличные результаты! Забегая вперед, приведу статистические показания: в присутствии Зухаря близ сцены Карпов выиграл 5 партий, а проиграл одну, в его отсутствие — счет 4:1 в мою пользу!

Еще раз подчеркиваю — главное, почему я стремился удалить Зухаря — не его попытки действовать на меня, а очевидная непрерывная связь его с Карповым! В своем письме Батурицкий ссылается на применение услуг психологов во многих видах спорта. Но ни в гимнастике, ни в баскетболе, ни, тем более, в футболе спортсмены во время игры не связаны с психологом, а здесь, против всяких правил, эта связь поддерживалась.

Но что же все-таки случилось во время 11-й партии, так слабо проведенной Карповым? На что он жаловался безмолвному советскому читателю?

Прошу прощения у шахматистов-практиков, которые не верят в этот бред (когда я сказал Портишу, что он в конце матча со Спасским стал жертвой гипноза, он ответил мне: "Да нет, это все — ерунда!"), с одной стороны, и у специалистов развивающейся науки парапсихологии, с другой, — за

свою гипотезу. Но не забывайте, прошу, что я высказываюсь сейчас за обе стороны, то есть и за советских, — только они обсуждают эту проблему в строгом секрете.

У кого я не собираюсь просить прощения, это — у почтенного жюри! Выслушав многократные жалобы и письма-свидетельства, оно заявило, что умственных помех для шахматистов не существует!

Итак, в седьмом ряду находился Зухарь, а в пятом — никому пока не известный мой помощник Бергинер. И случилось, что в этот день Зухарь был парализован — его контакт с Карповым был чисто внешним. Карпов играл быстро, быстрее даже обычного, но не было в его игре ни маломальской тактической глубины, ни обычной тактической дальности. По выражению одного из обозревателей, он играл быстро для того, чтобы у него осталось время подумать о допущенных им ошибках...

Что же, если речь идет о передаче некоторой субстанции на расстояние, то нетрудно себе представить, что возможны аналогичные — мыслительные методы не допустить эту субстанцию до объекта!

Советские больше не повторили своей ошибки. Нарушив словесное джентльменское соглашение, Зухарь со следующей партии снова сел в 4-й ряд. Моего психолога быстро распознали и, используя громадное численное превосходство в турнирном зале, окружили его "теплом и заботой". Работать спокойно он уже не мог. Мне стало ясно, что в этой обстановке он уже бесполезен. После 14-й партии он уехал. Начиная с этого момента, советские с помощью Кампоманеса стали вводить полицейскую систему слежки в зале. Каждый зритель должен был, покупая билет, показать удостоверение личности. На "подозрительных", допущенных в зал, концентрировалось внимание советской и филиппинской полиции. Зухарь, дабы его не отвлекали, всегда был окружен своими. В делах суда в Амстердаме фигурирует письмо

гражданина Гонконга; во время 17-й партии он занял с супругой место вблизи советского мага. Его и жену затолкали советские кагебисты. Через три часа после начала партии, опасаясь получить серьезные увечья, они были вынуждены покинуть зал...

12-я партия. Карпов со своими помощниками копаются уже целый месяц в "Энциклопедии шахматных дебютов". Глава об открытом варианте испанской написана мною. Без халтуры. Каждый вариант, каждая оценка проверены. Ищут сомнительные места, ищут усилений в вариантах. Не просто. Говорят, примерно так же выверялся знаменитый немецкий технический справочник "Хютте". Но эта проверка в матче — на поле боя — более серьезна.

В 12-й партии они "придрались" к одному из второстепенных вариантов. Карпов получил небольшой перевес в эндшпиле. Я недооценил силу позиции противника, сыграл рискованно. Карпов выиграл пешку. Позиция черных держалась на волоске. Хваленая техника Карпова опять подвела его. Мне удалось активизировать фигуры и спасти партию.

Партии идут одна за другой, своим чередом. А заседания жюри тоже идут, без перерывов. Поднимается то один, то другой вопрос. Советские очень активны. Им мало того, что они лишили меня флага. Они хотят отобрать у меня всякую защиту. Они стремятся доказать, что моя группа не может называться делегацией Швейцарии, а руководитель моей группы не имеет полномочий представителя шахматной федерации Швейцарии. Они возмущены письмом фрау Лееверик от 8 августа, они обвиняют ее в антисоветской пропаганде. Обратите внимание — ее, а не меня, хотя это мое письмо! А что они могут со мной сделать, особенно во время матча?! Она — мой рупор! Значит, если ее удалить, то станет тихо! Так, к сожалению, вскоре и случилось...

О, антисоветская пропаганда — это тяжкое обвинение в устах советских!

И опять хочется повторить: что же все-таки антисоветская пропаганда? — все эти трюки — с моей семьей, с флагом, с Зухарем, все эти бесчисленные нарушения-”уточнения” правил ФИДЕ или публикация этих трюков в печати?! Ведите себя по-человечески, господа-товарищи, и антисоветскую пропаганду не удастся высосать из пальца!

В Швейцарию посылается настойчивая телеграмма — уточнить полномочия фрау Лееверик. Приходит ответ: да, все правильно, швейцарская федерация дала полномочия руководителю группы Корчного. Правда, Швейцария — нейтральная страна, и мы не принимаем ответственности на себя за политические заявления. Но в остальном федерация Швейцарии поддерживает действия фрау Лееверик.

К сожалению, это был не последний запрос в Швейцарию. Председатель жюри, Лим Кок Ан, который к тому времени уже превратился в бессловесную марионетку, продолжал будировать этот вопрос.

Как называть мою группу — ”швейцарская делегация” или как-нибудь иначе? Этот вопрос тоже неоднократно обсуждался на жюри. Ну разве этот вопрос стоит внимания?! Стоит! Советские настояли, что их группа называется ”советская делегация”, а наша — как угодно, только не швейцарская! Ясно, — с одной стороны — делегация, а с другой стороны — сброд! Этому сброду — никаких прав!

Накануне приезда группы туристов из СССР на матч в зале появились услужливо заготовленные Кампоманесом таблички возле мест, предназначенных для официальных представителей — ”Советская делегация” и ”Группа Корчного”.

Обсуждался и вопрос предложения ничьей. Кажется, логично: если партнеры пожимают друг другу руки перед игрой, они могут вступать в контакт во время партии, если нет — ни о каком контакте не может быть и речи!

Но предлагать ничью через арбитра — не так просто.

Особенно, если у одного из противников — цейтнот. А Карпов, хотя он порвал своим актом наши взаимоотношения, не хочет терять никаких практических преимуществ. Опять же, опираясь на правила ФИДЕ, советские доказывают, что другой метод предложения ничьей ФИДЕ не предусмотрен. Значит, Корчной может поступать так, как хочет, а Карпов намерен предлагать ничью прямо своему противнику. (Заодно, в полном соответствии с правилами ФИДЕ, можно и позлить партнера!)

Жюри послушно принимает советское предложение...

Между тем, прецедент уже имел место. И не однажды. В Авро-турнире 1938 общались через судью Алехин и Капабланка. В 1977 году в Иль-Чокко мы с Петросяном не обменялись ни единым словом, ни единым жестом — соглашение на ничью заключалось через главного судью Кажича.

После матча в интервью для советских читателей Карпов сообщил, что его единственное чувство к Корчному было — ощущение глубокой ненависти. Насколько же другие шахматисты — даже Петросян! — прямее, честнее в выражении своих чувств!

Я СЛОМЛЕН. МАТЧ БЛИЗИТСЯ К КОНЦУ. ПЕРЕРЫВ

Должен сказать, что я невысокого мнения о качестве партий матча. Кроме дебютной части, где обе стороны продемонстрировали глубину и разносторонность идей своих коллективов. В миттельшпиле Карпов играл целеустремленно, но неглубоко, я же допускал грубые тактические промахи, в эндшпиле — непростительные для шахматиста высокого класса ошибки допускал Карпов.

13-я партия в первой ее половине, до откладывания, была одной из лучших в матче. Я подготовил интересную,

сравнительно новую дебютную схему. Карпов за доской сумел разобраться в ее тонкостях и получил хорошее положение. Началась маневренная борьба. Чаша весов стала склоняться на мою сторону. Много раз мне казалось, что я выигрываю, но каждый раз он находил хороший шанс контр-игры.

Партия была отложена все в той же обманчивой ситуации — казалось, у белых должен быть выигрыш, но доказать его конкретными вариантами невозможно. В поисках синей птицы я вместе с помощниками провел полночи, устал и на следующий день решил взять тайм-аут. До сих пор подобное применение тайм-аута применялось только мною, до сих пор оно приносило мне положительные результаты. На этот раз мой замысел оказался ошибочным. Мне попросту не повезло...

К 14-й партии советский штаб, наконец, разобрался в загадке, которую мы им преподнесли в игре черными. После месячного непрерывного анализа они нашли опровержение варианта, применявшегося мною. Из дебюта, минуя середину игры, Карпов перевел игру в эндшпиль с небольшим, но весьма стойким, позиционным преимуществом. Возникший в этой партии тип позиции — с разноцветными слонами, при большей активности других фигур — вообще конек Карпова. Несмотря на упорное сопротивление, я не смог устоять. Партия была отложена в безнадежном положении.

Представьте теперь мое состояние, когда на другой день я должен был доигрывать обе партии. Мне так хотелось выжать выигрыш из лучшей позиции в компенсацию за следующую! А при начале доигрывания, уже на третьем ходу, выяснилось, что наш анализ был неточен: Карпову удалось перестроить свои фигуры наилучшим образом, и я не видел путей пробить его защиту. Я попал в цейтнот, стал повторять ходы. Проще было бы предложить ничью, но как?! Я ведь решил с этим типом больше не разговаривать!

Нашлись дураки в западной прессе, которые возвестили миру, что я использовал все возможные трюки, чтобы выиграть этот матч. Интересно, понимают ли беспринципные люди, что у некоторых других людей на свете есть все-таки принципы?

Так я прыгал по доске фигурами взад-вперед, не имея возможности ни предложить ничью, ни зафиксировать ее трехкратным повторением позиции. "Ну, что ж делать — играть так играть", — подумал я не вовремя, отскочил от повторения, сделал одну за другой две грубых ошибки и вскоре сдался!

А другая партия закончилась быстро, без сенсации. Ее я тоже проиграл. 3:1!

Что еще сказать об этой трагедии? Да, вот — еще одна странная вещь. После доигрывания 13-й партии мы поменялись местами с противником — я забрал свои вещи из комнаты отдыха и перешел в другую — противоположную. Поменяли наше положение и за шахматным столом. Точно так же и Зухарь, сидевший сперва в правой половине зала, вместе с Карповым изменил свое место и перешел на левую сторону...

Вопрос о советском психологе не сходил с повестки дня жюри. Но нам так и не удавалось добиться сдвигов в этом вопросе. Зухарь и Карпов были неразделимы — это было очевидно всем. Но доказать эту связь — прямо — за веревочку схватить я не мог. Я утверждал, что он мне мешает. А здесь-то и разворачивался Батурицкий во всей своей блестящей юридической оснащеннойности. Он доказал жюри (а что ему доказывать, оно готово подчиниться Батуринскому и без доказательств), что в правилах ФИДЕ ничего не записано об умственных помехах. Да, ФИДЕ считает, что всякий, кто мешает, намеренно или нет, может быть удален игроком. Но имеются в виду физические помехи: шум, движение в зале. Но, позвольте, шахматы — это игра умствен-

ная, ведь в отношении шахмат, где публика удалена от играющих, а играющие работают своими мозгами, любая помеха, кроме, скажем, прямого попадания пули в игрока! — влияние на мозг и нервы играющего!

Не могу побаловать читателя разнообразием: жюри послушно приняло уточнение правил ФИДЕ, предложенное Батуриным.

Любопытная деталь — в процессе обсуждения Батуриный возмущался, как я мог требовать "призвать зарвавшегося хулигана к порядку". Видный ученый, которого я однажды нечаянно даже похвалил в своей книге "Моя жизнь — шахматы", — как можно называть Зухаря хулиганом!

Гм... во время одной из партий Зухарь, увидев, что возле него сидит фрау Лееверик, подчеркнуто громко обратился к одному из окружавших его советских агентов: "А что, Володя, помнишь, у нас в делах записано, что у Корчного — хроническая гонорея?"

Вообразим на минуточку его представителем Западного мира. Что бы стало после этого с его дипломом врача и ученого?!

Окрыленный успехом, Карпов решил, что ему пора кончать матч. Правда, он играл следующую партию черными. Зато он решил ввести в бой новый вид оружия. В 15-й партии, стоило мне после дебюта погрузиться в раздумье, Карпов начал качать свое кресло...

Сколько он с Батуриным бился за это кресло! У меня, видите ли, с самого начала было свое кресло — одно из лучших в мире, производство фирмы "Жиро-флекс" и подарок этой фирмы мне. Сперва Кампоманес сделал все, от него зависящее, чтобы не допустить появления кресла в Багио. Потом, когда фрау Лееверик собственноручно доставила его из Манилы, когда советские ознакомились с его преимуществами, они тоже потребовали кресло Карпову. А ведь за пару месяцев до матча фрау Лееверик готова была

организовать доставку кресла и для Карпова, но советские отказались. Как тут не вспомнить советскую бюрократическую формулу: "Пожертвования от частных лиц не принимаются!"

Откуда не знаю, но как из-под земли, Кампоманес нашел кресло! Скажем, не такое роскошное, меньше размером, но все-таки! Теперь судьи каждый день перед игрой — так потребовал Карпов — устанавливали кресла на одинаковый уровень — понижали мое, повышали его "постамент". Несчастный мой противничек! У него, оказывается, комплекс физической неполноценности! Ему неприятно, что кто-то выше него! Он и кровать себе потребовал переделать вскоре по прибытии в Багио — уменьшить ее. На нормальной кровати он чувствует себя потерянным. С Шарлем де Голлем у него ничего общего! Как ни повезло советским с их вновь найденным удобно программируемым гением, а нет полного счастья!

Но оказалось, что королевское кресло понадобилось королю не только с целью поддержать свою осанку. Удобное кресло. Пока партнер обдумывает ход, сидишь себе и качаешься! Я ушел от стола, сел в позе Спасского, стал изучать позицию по демонстрационной доске. Подошел Л.Шмид, спросил, в чем дело. Я объяснил ему. Он отправился разговаривать с "королем". Тот ни на секунду не прекратил свои движения. "Ему это мешает, а мне мешают его очки", — ответил он, давая понять, что все это он делает продуманно. Прошло минут 15, пока Карпова уговорили, как неразумного школьника, вести себя прилично. Дело, по-видимому, было не в красноречии главного судьи, а просто позиция вскоре приобрела ничейный характер, и Карпов понял, что ему даже эта техническая новинка не поможет выиграть партию.

Во время этой партии зрители отметили удивительную связь Зухаря с Карповым. В начале партии Зухарь сидел нормально, а когда я задумался, он с закрытыми глазами отки-

нулся в сторону, и почти сразу Карпов, хотя он в этот момент не видел психолога, начал манипуляции с креслом! Что ни говорите, это новое слово в шахматном искусстве. Признаем еще раз приоритет советской научной мысли!

Вопрос о поведении Карпова обсуждался на жюри. Наше предложение было — зафиксировать кресла, чтобы их нельзя было вертеть во время игры. Но Батурицкий заявил, что, согласно правилам ФИДЕ, каждый участник вправе выбирать себе вид кресла, на котором он сидит. И — боюсь уже надоест читателю одной и той же фразой: жюри послушно приняло поправку Батурицкого.

Так и не удалось ни пристыдить, ни усмирить Карпова: от времени до времени, то в одной, то в другой партии он применял свой прием — правда, чаще старался это делать, как проказник в школе, улавливая момент, когда судьям наскучивало следить за игрой и за поведением участников. Вспоминаю однажды, как я отсел от стола во время своего хода, потому что за столом было невозможно сидеть, как подошел Шмид, посмотрел на него укоризненно. Карпов перестал на время. Шмид подошел ко мне: "Ну, пожалуйста, сядьте за доску, видите — он больше не качается!" Так хотелось мне ответить ему: "Но где же гарантии, что он дальше будет вести себя нормально?!" Но я понимал и главного судью. Что может сделать он, лишенный ФИДЕ, местными организациями, жюри — всяких прерогатив?!

Кстати, насчет очков. С 1-го тура я носил на игре очки с односторонним зеркальным отражением. Не знаю, кто выдумал, что я спасался таким образом от вредного воздействия советского психолога — вероятно, очки мешали Зухарю, и эту версию выдумали советские. Но, повторяю, я носил их и во время самых первых партий, когда в зале сидел Эйве, а Зухарь, как секретная модернизированная "катушка", еще был в резерве главного командования! Цель очков была — лишить Карпова его любимого занятия — стоять над

столом и смотреть в упор на противника. Пока на мне были очки, он мог лишь заниматься нарциссизмом.

16-я партия. Судя по мнению большинства обозревателей, а тем более советских специалистов, прошло уже две трети матча, а я все еще не сыграл своей излюбленной французской защиты. Конечно, у Карпова там что-то серьезное подготовлено, какая-то продуманная на 15-20 ходов новинка. Рано или поздно, я должен был с нею познакомиться. В 16-й партии я, наконец, сыграл французскую, но опять, продумав за доской, свернул в сторону от столбовых дорог теории. Я – не любопытный! Время познакомиться с домашним оружием Карпова еще придет...

Поразительно, как бледно играет Карпов, если у него не подготовлена до тонкостей дебютная схема! Он не получил никакого перевеса, и после обоюдных неточностей, вызванных фактом, что то одна, то другая сторона позволяли себе переоценивать свои шансы, партия закончилась закономерным ничейным результатом.

По ходу матча продолжалась борьба вокруг него: борьба в прессе, борьба в жюри, хотя и тут и там вырисовывалось, я бы сказал, явное превосходство советских, примерно со счетом 9:1. Своеобразную роль сыграл здесь мой "главный помощник" – Р.Кин. Он участвовал в заседаниях жюри в качестве помощника фрау Лееверик, а иногда в качестве ее советника, а главное – левой рукой он писал за нее заявления в жюри или для печати. Но правой рукой он работал на международную прессу и одновременно писал книгу для фирмы Батсфорд. В своих корреспонденциях, в своих телексах в Англию, которые послужили кирпичами его книги, он писал то и в таком стиле, что никак нельзя было его признать представителем нашей группы. Без моего ведома он публиковал факты внутренней жизни нашей группы, куски анализов, свои взгляды на деятельность фрау

Леверик, которые, оказывается, целиком расходились с его взглядами!

Интересно, если корреспондент ТАСС Рошаль позволил бы себе написать несколько строчек от себя, например: "Батуринский на заседаниях жюри не проявил присущей советскому гражданину выдержки" или "Карпов бездарно провел 11-ю партию" — что бы с ним случилось? А Кин позволял себе любую критику в адрес мой и членов моей группы... Нет, куда западному миру тягаться с военизированной советской организацией!

Очень был активен в Багио Рошаль. Мне довелось по ходу матча заглядывать в газету "Советский спорт". С бесстыдством и цинизмом, тасуя извращенные факты и заведомую ложь, Рошаль вещал советскому читателю — как я отказался от всяких взаимоотношений с Карповым (не он со мной!), как начал травлю одного из официальных членов советской делегации, как безупречно, вызывая восхищение всех присутствующих, ведет себя Карпов! Вот ведь как: отец Рошалья был уничтожен наряду с миллионами других мыслящих людей в сталинском застенке... Сын не повторит ошибки отца, его не заставишь быть личностью! Вот он — закон Дарвина о борьбе за существование, в действии...

Сила советской печати огромна. Другие страны советского блока охотно перепечатают материалы из газет "старшего брата". А болтовню газеты "Нойес Дойчланд" неосторожно подхватила западногерманская "Ди Вельт", а ее корреспонденции пошли дальше — в Голландию, Австрию... А кто знает, была ли это только неосторожность? А что бы случилось, если бы матч игрался в Германии? Должен отметить с удовлетворением, что США, Израиль, страны Южной Америки не поддались влиянию ТАСС и правильно освещали матч.

В жюри, похоже, моему представителю уже нечего было делать. Все было ясно. Ни одно мое предложение, ни один

протест не были удовлетворены! А советским жюри вообще уже не требовалось. Любое их предложение принималось безоговорочно организаторами. Мешает советским бинокль фрау Лееверик? Без предупреждения вывешивается объявление: "Бинокли в партере зрительного зала запрещены". Понадобилось советским контролировать зрителей в зале? Очень просто! Отныне каждый зритель при покупке билета должен предъявить паспорт! Карпов не может играть сегодня? Пожалуйста, мы выведем из строя трансформатор! Никто не виноват! Стихия...

Последняя попытка привлечь внимание мировой прессы к ситуации на матче, оказать давление извне на продажное жюри, на оголтелое поведение советских — была сделана фрау Лееверик 26 августа, накануне 17-й партии. Вот его текст в сокращенном переводе с прекрасного английского, которым оно было написано:

"1. Вопрос о швейцарской делегации.

Батурицкий обвинил меня, что я сама себя назначила главой швейцарской делегации. У меня есть официальное письмо швейцарской шахматной федерации, которым я назначена главой делегации со всеми полномочиями действовать по поручению Корчного. Сам Корчной будет представлять команду Швейцарии на предстоящей олимпиаде в Буэнос-Айресе. Батурицкий настаивает рассматривать нашу делегацию не более, чем международную банду поставленных вне закона людей или пиратов, что вполне соответствует советскому образу мышления, мышления кандалов и наручников, мышления, игнорирующего любые права и законы, не согласовывающиеся с их собственным прямолинейным представлением реальности. Я хотела бы напомнить журналистам, что мы недавно отмечали 10-ю годовщину вторжения в Прагу советских штурмовиков в августе 1968 года. Хотя обоим шахматистам отказано в праве иметь на столе свой флаг, нельзя таким образом нарушить наше законное

право на защиту со стороны швейцарской шахматной федерации, федерации, которая заплатила взнос за участие Корчного в первенстве мира и которая гордится иметь его, как одного из ведущих шахматистов мира. Надеюсь, я выступаю не 10 лет накануне советского вторжения в Швейцарию!

2. Антисоветская пропаганда.

Более того, Батурицкий и Рошаль в советской прессе обвинили меня в распространении пропаганды, приносящей ущерб "доброму имени" советского государства. Хотела бы напомнить прессе и публике свободного мира, что только государство, которое явно наслаждается открытым попрательством Хельсинкского соглашения о гражданских правах, может рассматривать призыв освободить семью Корчного из рабства в СССР как "антисоветскую пропаганду". Сколько еще есть стран в мире, которые отрицают бы право их граждан, разочарованных и преданных в своих идеалах, покинуть свою страну?! Я прощаю Батурицкого и Рошалья за их замечания. Выходцы из крупнейшего в мире концентрационного лагеря, они не имеют другого выбора.

3. Боец холодной войны в юбке.

Меня обвинили в ведении холодной войны против советских, но Батурицкому хорошо известно, что я сопровождала Корчного во время трех его предыдущих матчей против Петросяна, Полугаевского, Спасского. Разве во время тех соревнований я высказывалась когда-нибудь против СССР? Я настаиваю, что в действительности именно советская делегация в заранее рассчитанной, продуманной манере начала холодную войну здесь — с вопроса о праве Корчного на флаг.

Не я же, а Батурицкий — в порыве бешенства, почти с пеной у рта, угрожал не появиться на церемонии открытия, если Корчному будет предоставлено право на флаг.

Батурицкий заявляет, что я ненавижу Советский Союз. Действительно, 10 лет, проведенные мною в советском

концентрационном лагере, не способствовали тому, чтобы СССР стал моей любимой страной. Признаюсь, я не пою советский гимн в моей ванной. Однако я не позволила моим личным чувствам омрачить мои намерения ради того, чтобы матч протекал хорошо. Я лично разыскала лучшее кресло в мире для Корчного и в переговорах перед матчем предложила аналогичное кресло — бесплатно — для Карпова. С самого начала у меня не было других желаний, кроме одного — чтобы для обоих участников были предоставлены равные условия и чтобы матч решался за шахматной доской, а не путем проявления желчности или сомнительных маневров в зрительном зале.

4. Парапсихологический паразит.

К вопросу о Зухаре. Не играет роли, кто это: настоящий парапсихолог, знахарь или колдун. Присутствие в зале этого человека, крадущегося как можно ближе к сцене — явный знак того, что советская делегация рассматривает его как важное лицо, которое должно быть защищено, которое оказывает известное влияние на игру — неважно — благоприятное для Карпова или отрицательное на Корчного. Признавая это, советские признаются таким образом в своих попытках повлиять на результат матча из другой сферы — вне шахматной доски... Мы собираемся вновь поставить вопрос о Зухаре на жюри и перед ФИДЕ, чтобы добиться благоприятных и равных условий игры для обоих участников в этом важном соревновании. В "Советском спорте" за 11 августа Рошаль написал, что Зухарь является официальным членом советской делегации. По-видимому, советская пресса не обманывает своих читателей. Это будет легальный базис нашего протеста..."

Неплохо написано, а? Сильно! Беда лишь в том, что это был глас вопиющего в пустыне! И даже составивший эту декларацию Кин стыдился и боялся сознаться в своем авторстве! Чего уж тут стыдиться! С точки зрения словесности,

это прекрасный документ. Другое дело, что советские уже недели две назад начали запугивать Кина, угрожая бойкотировать его во всех соревнованиях.

Я сочувствую Кину. Такой бойкот ему выдержать труднее, чем Лееверик или Корчному. Но нужно быть честным в своих действиях. Во многих странах, включая Англию, когда общественный или политический деятель чувствует себя неспособным справиться со своими обязанностями на посту, он подает в отставку...

Я, конечно, не был в курсе всех перипетий околوماتчевой борьбы, но своими нервами я ее ощущал. И особенно дико мне казалось, что я не мог справиться с Зухарем. Мне было ясно, что без него Карпов играть не может. И я решил предпринять самостоятельную акцию. Я никого не известил заранее. Только фрау Лееверик, и то — в самых общих чертах.

Придя на 17-ю партию, я вызвал Кампоманеса и потребовал убрать Зухаря на 7-й ряд. Кампоманес колебался. "Но жюри решило..." — начал он. "Уберите его в течение 10 минут, или я с ним справлюсь сам!" — сказал я, недвусмысленно размахивая кулаками. Кампоманес засуетился, собрал вокруг себя советских. Пришел Карпов. Увидев, что мое время идет, а хода я не делаю, он, как будто это его и вправду не касается, ухмыльнулся и ушел к себе в комнату. Его не касается! А кого же еще! Будто не он вышел из себя, когда судья Шмид попробовал во время 9-й партии выгнать Зухаря из зала! Будто не он оскорбил Шмида подозрением в необъективности, так что тот уехал из Багио, и лишь дождавшись письма Карпова с извинением, вернулся!

А время шло. Советские не спешили. Наконец, 6 первых рядов очистили от зрителей и посадили Зухаря в первом доступном ряду. Кампоманес подошел ко мне и "отрапортовал", что моя просьба выполнена.

Не так просто далась мне эта скромная победа. Я по-

тратил кучу нервной энергии и 10 минут драгоценного времени! Уж не этот ли трюк имели в виду голландские журналисты, доказывая, что в этом матче я использовал все бывшие в моем арсенале нешахматные трюки?! Не этот ли трюк имело в виду Бюро ФИДЕ, сурово осудившее меня после матча за мое поведение (без всякого указания, что же оно имело в виду).

Забегая вперед, должен сообщить, что Кампоманес чувствовал себя невероятно уязвленным, что он вынужден был мне уступить! После партии он издал меморандум, где заявлял, что впредь он мне таких штук не позволит!

А какие уступки я имел до этого? Вспомним историю с еще одним заявлением.

После 10-й партии я обнаружил, что на счетчике Гейгера, который я носил с собой на игру, показания поднялись на 30 единиц! Было подано заявление с просьбой: первое — осмотреть зал, второе — осматривать отныне всех членов делегаций — официальных и неофициальных — специальными приспособлениями, как в аэропортах. Напомню, что это было предложено Батуриным—Карповым в письме перед матчем. Что же ответил на письмо Кампоманес? Что он осмотрел зал и ничего не обнаружил! А что он хотел найти в пустом зале?! Впрочем, ни один свидетель не зафиксировал факт осмотра зала Кампоманесом... Что касается осмотра членов делегаций специальными приспособлениями, то Кампоманес ответил, что в принципе это возможно, но нужно много времени, чтобы доставить такое оборудование. Читатель, я думаю, догадался, что Кампоманес так и палец о палец не ударил, чтобы когда-нибудь доставить соответствующее оборудование.

Нет, Кампоманес, не знаю, к какой партии ты принадлежишь, но в сотни раз честнее тебя были югославские коммунисты! Когда возникло подозрение и я попросил проверить зал в Белграде, были установлены детекторы, которые

действовали в течение нескольких партий, до тех пор, пока не отпало подозрение.

Можно ли играть серьезную, напряженную партию после сильной нервной разрядки?! Оказалось, трудно. В 17-й партии Карпов был переигран вчистую. Он потерял пешку без всякой компенсации, попытка создать осложнения тоже не привела его к успеху. А дальше — дальше я сделал много грубых ошибок для того, чтобы сперва выпустить очередной выигрыш, а затем, в цейтноте — получить глупый мат в ничейной позиции!

Счет 4:1 в пользу Карпова. А главное, после всех этих историй в состоянии абсолютной несправедливости мог ли я еще тянуть матч в таком настроении?!

Я отправился в Манилу, взяв последние два бывшие в моем распоряжении тайм-аута. Я поехал отдохнуть, развеяться. Я решил дать пресс-конференцию в Маниле, с целью обличить поведение советских и Кампоманеса. А буду ли я еще играть? Черт знает, посмотрим...

Уезжая, я оставил Кину письменную доверенность в мое и фрау Лееверик отсутствие представлять меня в жюри. Хотя речь шла только об этом, Кин, получив мою записку, сделал далеко идущие выводы. Он провел пресс-конференцию совместно с Батуриным, назвал себя отныне главой группы. Одновременно в Австрию была послана телеграмма следующего содержания руководителю второй европейской зоны Доразилу: "Как президента зоны 2 убедительно прошу Вас связаться со швейцарской федерацией с целью удалить Петру Лееверик с поста главы делегации Корчного. Чемпионат мира находится в опасности из-за ее сомнительных действий и возбуждающих политических заявлений. Если она сохранит свою позицию, матч может иметь скандальное заключение. Голомбек".

Пусть подпись "Голомбек" никого не вводит в заблуждение. Гарри Голомбек этой телеграммы в глаза не видел!

А что было ответить Доразилу новоявленному самозванному руководителю? Он написал ответ, что не считает себя вправе отрывать от группы Корчного, которая и так малочисленна, еще одного человека. А Вы, читатель, не могли бы Вы одним словом квалифицировать этот поступок Кина?

Как сообщает сам Кин в своих телексах, регулярно во время матча направляемых в Англию, одним из первых его шагов в качестве представителя в жюри была отправка им букета цветов госпоже Кампоманес, в порядке извинения за напряженные отношения, которые были у четы Кампоманес с фрау Лееверик и с Корчным тоже. Господин Кампоманес, как тигр, бился, отстаивая интересы советских в Багио, а господин Кин букетом цветов выразил свою солидарность с ним. Забегая вперед, этим букетом Кин положил начало большой дружбе, которая во время и после окончания матча превратилась в активное, плодотворное сотрудничество...

Пока, отдыхая от нервного напряжения, от мучительного полурабского состояния, я мирно проводил дни в Маниле, пока не спеша я готовил пресс-конференцию, мои помощники серьезно не теряли времени. Они дали понять председателю жюри и советским, что, если не будет достигнут компромисс, матч окончен. Накануне моей пресс-конференции они позвонили мне, что достигнута договоренность с советскими, просили меня ни в коем случае не устраивать встречу с журналистами. Смешные люди! Они верили в уступчивость советских! (Как много, к сожалению, таких людей во всем мире!)

Между тем, заседание жюри, на котором должна была обсуждаться возможность компромисса, было отложено на послеобеденное время, в момент, когда я должен был закончить свою пресс-конференцию в Маниле. Конгрессменам, оказывается, было интересно знать, как далеко я пойду в своих жалобах и, вероятно, требованиях!

Незадолго до моего посещения Манилы Кампоманес

навестил известного на Филиппинах специалиста-психолога, духовника-иезуита, отца Булатао, с целью взять у него научное мнение о Зухаре. Отец Булатао, незнакомый с ситуацией, с фактами, все же отметил, что психологическое влияние из зала возможно и помешать ему трудно. Навестил его и я — накануне пресс-конференции. Он высказал мне примерно то же самое и добавил, что единственный путь борьбы — установить на сцене стекло, которое помешало бы участникам видеть зрительный зал.

Неплохо придумано! Пришлось бы бедняге Зухарю отправиться на два месяца раньше домой, к своим подопечным космонавтам!

На пресс-конференции я рассказал о сложившейся ситуации, о полной безнаказанности советских в Багио, о заговоре их с Кампоманесом. Особо я остановился на проблеме Зухаря. Я отметил, что советская шахматная новинка была подготовлена ими к матчу с Фишером, что тандем Зухарь — Карпов непобедим. Это — кентавр с головой Зухаря и задницей Карпова, которого нужно раздвоить, иначе матч невозможен! Я рассказал о предложении отца Булатао и потребовал установить такое стекло на сцене. Пресс-конференция вызвала большой интерес, была освещена во всех газетах. Оказывается, в Багио Кампоманес контролировал все сообщения прессы. Материалы о предосудительном поведении Карпова и советских были запрещены Кампоманесом к опубликованию! Впервые на Филиппинах люди заговорили о скандальном шахматном матче. Филиппинская публика решительно встала на мою сторону!

Прибывшие в тот же вечер мои помощники Стин и Мурей уговорили меня продолжать матч. Они рассказали, что заключено "джентльменское" соглашение, что отныне и до конца матча Зухарь будет находиться среди официальных членов советской делегации. Взамен я должен снять зеркальные очки.

Что это было такое, почему советские подписали это соглашение, чем и кому мешали мои очки, понятия не имею. Видимо, кому-то чем-то мешали, советские — далеко не альтруисты! В заключении соглашения сыграла роль и ситуация в матче — все-таки счет был подавляющий! Сыграла роль и моя пресс-конференция. Нужно все-таки было показать миру, что Карпов и сам умеет играть в шахматы! Нужно было, да не удалось...

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

Мы вернулись в Багио. Фрау Лееверик могла снова занять свое место в жюри, взять бразды правления в нашей группе, но ей не хотелось поднимать шум, не хотелось внести разлад в группу. Начался новый этап, этап руководства Кина, человека, не утруждающего себя моральными принципами. Этап постепенной полной сдачи всех позиций, этап абсолютной гегемонии советских на матче.

Но в дело вмешались другие силы. После выступления в Маниле я получил множество писем. Люди выражали свое возмущение, люди предлагали свою поддержку. Их, я понял, интересовала не столько политическая сторона вопроса, не столько их интересовала и финансовая сторона. Они были за справедливость и готовы были мне помочь, чтобы установить равновесие борющихся сил! Не скрою, кой-кого я нанял на время — для борьбы с Зухарем. Были и добровольцы. Они, верящие в силу умственного воздействия на расстоянии, сидели в зале и медитировали. В мою защиту, с целью нарушить связи Зухаря с Карповым!

Не знаю, как это действовало, и действовало ли вообще. Возможно, советские почувствовали враждебное настроение в зале, и это им было неприятно...

Но все-таки матч решался на шахматной доске, а не вне ее. Но все-таки решить матч должно было огромное превосходство Карпова в этот момент и моя очевидная беспомощность! На стороне Карпова было огромное превосходство в счете, мне оставалось, казалось бы, только тянуть безнадежный матч. На его стороне был и огромный психологический перевес. По ситуации, при полном превосходстве советских, при подавлении любых моих просьб или предложений, я был просто кроликом, предназначенным на заклятие!

Физически Карпов тоже в этот момент на голову превосходил меня. Ведь он на 20 лет моложе! Он был превосходно тренирован на 24 партии. Как ни хвастался я своей физической подготовкой, соревноваться с Карповым в этом я мог только на марафонской дистанции! А в этот момент мне оставалось только ждать, когда появится второе дыхание... Наконец, и с чисто шахматной точки зрения, Карпов сейчас подавлял меня. Я был опустошен. Моя испанская защита была опровергнута, и я должен был теперь петлять меж других дебютов, где у Карпова, конечно, были заготовлены мощные новинки, и мне предстояло испытать на себе их силу. Моя дебютная подготовка за белых тоже уже дала трещину. Я израсходовал подготовленные усилия в защите Нимцовича — без реального практического эффекта.

Судя по всему, матч подходил к концу.

Но странное дело! Сколько Карпов ни старался, сколько выигранных позиций он ни получал, он ничего не мог сделать. Целый месяц без Зухаря — он не мог выиграть ни одной партии! Уже давно в зале был наведен порядок, вся публика находилась под контролем филиппинской и советской полиции, я и мой представитель в жюри безмолвствовали, расформировано было жюри за ненадобностью — при полном господстве советских, исполнивший свою миссию Лим Кок Ан укатил домой, в Сингапур — а Карпов был бесплоден!

18-я партия. Я играю не очень полюбившуюся мне защиту Пирца-Уфимцева. Трудный миттельшпиль, тяжелый эндшпиль, мучительно доигрывание. 60 ходов в защите без единого проблеска контригры, но — ничья!

19-я партия. Я играю белыми, но Карпов легко уравнивает игру. Тонкая позиционная борьба завершается равным эндшпилем. У Карпова немножко лучше, но он ничего не может сделать; он тратит почти весь запас времени, и мы соглашаемся на ничью повторением ходов.

На 19-й и 20-й партиях в зале появились мои новые помощники. Два йога, мужчина и женщина, прочитав сообщение о моей пресс-конференции в Маниле, решили добровольно и безвозмездно оказать мне помощь. Стоило им появиться в зале и усесться в позе лотоса, как что-то случилось с Зухарем. Он закрыл лицо платком, а через некоторое время вышел из зала — насовсем, до конца партии. За ним потянулись остальные советские. Диди и Дада — два индийских йога — изгнали из зала советскую делегацию. Они мирно сидели в зале: Диди — милая женщина, сидела с закрытыми глазами, Дада — скромный молодой человек, иногда косил взглядом на Зухаря. На их лицах был покой и смирение, никаких следов греха, а советские во главе с Зухарем бежали от них! Поверьте, читатель, — я не верю в чертовщину, но что-то случилось! Советские с первых минут углядели в йогах опаснейших противников. В процессе партии их пытались выгнать из зала — неизвестно под каким предлогом, но фрау Лееверик настояла на их присутствии...

Не в привычках советского человека — терпеть своих врагов. Раздуваемая советским правительством кампания за мир и "мирное сосуществование" с капитализмом предназначена для болванов. На военном совете советских с участием Кампоманеса было (для начала) решено, что йоги могут находиться в зале, но сидеть нормально, и в европейских одеждах, а не в одеяниях оранжевого цвета. Кроме того, ре-

шили советские, йоги должны находиться в отдалении от советской группы...

20-я партия. Одна из труднейших для меня в этом матче. Я сыграл дебют, который не играл никогда в жизни. Мне удалось выравнять партию, но я увлекся неправильной идеей, переоценил позицию, и возникли серьезные трудности. В цейтноте я допустил еще пару ошибок, и партия была отложена в совершенно проигранном для меня положении. Записывая ход, Карпов продумал полчаса – небывалая для него вещь – и, что, однако, с ним бывало не раз, – записал примитивный ход, избегая опасных, как ему казалось, осложнений. Запиши он активный ход, "осложнений" хватало на три-четыре хода, а потом черные могли сдаваться.

Я пришел на доигрывание и увидел у входа карауливших меня Зухаря и других карповских холуев. Тут я понял, что предстоит серьезное доигрывание. Да, Карпов не записал выигрывающего хода! Но положение черных все равно трудное. После размена ферзей партия перешла в эндшпиль, где у черных почти не было ходов. Кроме пешечных! И это-то испугало Карпова. Он избрал опять наиболее прочное, безопасное продолжение, и – о чудо! – я спасся на ничью. После этой партии Голомбек заявил, что отныне он поверил в загробную жизнь!

Накануне 21-й партии собралось жюри. Кампоманес открыл, что двое йогов – члены организации "Ананда Марга" – люди, которых обвиняют в убийстве индийского дипломата, они находятся под судом и следствием. С февраля 1978 года они отпущены под залог. Поскольку они потенциальные преступники, они не должны находиться в зале. Эдакая советская точка зрения! Во всем мире в юриспруденции принята так называемая "презумпция невиновности" – пока не собраны доказательства, что ты совершил преступление, с тобой нельзя обращаться как с преступником, а вот у советских все наоборот! А у Кампоманеса, хотя он и рожден в

другой стране, — все то же, как у советских. И — извините за набившую оскомину фразу, читатель, — жюри послушно принимает советскую точку зрения...

Странный случай произошел со мной перед 21-й партией. Накануне йоги научили меня одной формуле, которая, сказали они, может помочь мне в трудную минуту, может отвести от меня моих врагов. Если я увижу Зухаря, я могу сказать ему эту формулу — пару слов на санскрите. Это полезно.

И вот, перед 21-й партией я — у входа в зал. Внезапно подъезжает машина, из нее выходит Зухарь и, видимо, считая, что за пару дней, что йоги были в зале, мои контакты с ним ослабли, направляется ко мне с очевидной целью пожать мне руку. Ему в упор я говорю эту пару слов на санскрите! Он, не дойдя до меня, закрывает лицо и голову руками и — уходит! Странная вещь, читатель! Объяснить ее я не в силах. Я ведь — как говорится в одной сказке — еще не волшебник, я только учусь на волшебника...

21-я партия. Карпов подготовил сногшибательную новинку. Он жертвует фигуру, он атакует застрявшего в центре белого короля. Я не принимаю жертву, заканчиваю развитие фигур, и вскоре оказывается, что черные — у разбитого корыта. Из атаки ничего не вышло, белые выиграли пешку.

С лишней пешкой эндшпиль тоже был не прост. Но при доигрывании мне удалось сломить сопротивление противника. Я считаю эту партию моим лучшим достижением в матче.

22-я партия. Как мне ни страшно, мне предстоит проверить, что же подготовил Карпов против моей излюбленной, но еще фактически не применявшейся мною в этом матче французской защиты.

Действительно, группой Карпова подготовлено нечто новое — довольно серьезное возражение. Белые рокируют в длинную сторону и готовят атаку на черного короля. В слу-

чае, если черные ищут спасения в разменах — у них трудный эндшпиль из-за пешечной слабости в центре. Ферзей мне пришлось разменять, а тогда Карпов стал надвигать пешки королевского фланга, создавая угрозы выигрыша слабой центральной пешки черных. В ответственный момент я жертвую пешку — все равно ее не удастся долго защищать. Получаю некоторую позиционную компенсацию. Карпов возвращает пешку обратно, но активизирует свои фигуры. Партия близится к ничьей, но в цейтноте я допускаю грубую ошибку. Карпов выиграл пешку. Цейтнот кончился, у черных совершенно безнадежно. Но, видимо, "йюгурт" оказался слишком питательным в этот день. Карпов продолжает играть (хотя имел возможность отложить партию), как заведенный. Он делает подряд четыре слабых хода, и — в отложенном положении ничья уже не за горами.

Странно, что мировая шахматная печать так восхваляет эндшпильную технику Карпова. По-моему, она не идет в сравнение с межконтинентальными ракетами, которыми Карповы в серых шинелях угрожают миру.

Анатолий Карпов, своей поверхностной, лишенной тонкостей игрой способен испортить любой, самый выгодный эндшпиль, и в партиях этого матча тому было очень много примеров.

В номере 140 голландского шахматного бюллетеня в статье Г.Сосонко я прочел фразу о "безукоризненной технике эндшпиля симпатичного чемпиона мира". В моих ушах это звучит как сгусток лжи — с бесспорным политическим смыслом. Впрочем, не является ли эта фраза данью мощи советской военной техники?..

Записывая ход при откладывании 22-й партии, я продумал около 40 минут, чем вызвал неудовольствие Кина. Что думать в позиции, где возможен лишь один, притом довольно очевидный, ход?! Так, примерно, писал он в телексе, отправленном сразу после партии. А в следующем телексе он

уже сообщал читателям, что другой, не записанный мною, ход вел к верной ничьей. Действительно, я не записал хода, которым мог отдать фигуру и построить ничейную крепость. Но и так, с некоторыми сложностями, благодаря четкому анализу Стина, я добился ничьей. Что касается Кина, то есть такие гроссмейстеры-верхогляды — они знают много, а за доской и в анализе видят куда меньше, чем им, гроссмейстерам, полагалось бы.

Пока идет партия за партией, йоги не теряют времени. Они учат меня и моих друзей своему искусству. Мы, всей группой, каждый день делаем упражнения. Даже Кин подчас стоит на голове, что, по образному выражению зрителей, напоминает им о печальном состоянии Пизанской башни. Йоги устраивают прием — все мои болельщики приглашены. Все знакомятся с ними, все в восторге от их обращения, их эрудиции, их гостеприимства. Йоги устраивают вегетарианский обед. Все довольны, хотя в душе не собираются менять своих плотоядных привычек.

А что удивительного, если мои помощники — йоги — вызывают симпатию? Они оба в разное время окончили университет в Гарварде. Диди разговаривает на 10 языках. У Дады — тоже философский склад ума, но он и физически неплохо развит — часто бегаёт, в порядке упражнения, на длинную дистанцию.

Своим примером Диди и Дада способствуют другим увлечься йогой. Что касается их судебного прошлого или настоящего, они объяснили нам, что организация "Ананда Марга" возникла в Индии, где в момент правления Неру и Индиры Ганди были очень сильны коммунисты. Программа "Ананды Марги" проще, доступнее людям, она — человечнее. В рядах "Ананды Марги" оказались сотни тысяч людей. Почти в сотне стран мира появились пропагандисты нового учения.

Коммунисты почуяли опасность, они постарались опо-

рочить организацию в глазах народа. Они сумели заключить в тюрьму лидера организации — он провел в заключении 7 лет без суда и следствия! Они организовали провокации, убийства якобы руками членов "Ананды Марги"! В одну из таких ловушек попали Диди и Дада. Но за недостатком улик они были отпущены на свободу. То есть они были отпущены под залог, но очевидно, что опасных преступников, убежденных террористов не выпускают ни за какие деньги.

Ну что ж, только такие люди — сильные, смелые — могли помочь мне в борьбе против советских, которая давно уже вышла за рамки шахматной доски!

А пока советские нагнетали давление. Очередным вердиктом жюри йогам было запрещено жить у меня в отеле. Впрочем, они и сами опасались этого места, предчувствуя возможные провокации. Подложит им "организатор матча" нож под подушку, и попадут они снова в тюрьму ни за что ни про что!

Еще через несколько дней очередным решением Кампоманеса, подтвержденным жюри, йогам было запрещено пользоваться официальными машинами, приданными моей делегации, и вообще появляться в моем отеле!

Черт возьми, какое кому дело, как я распоряжаюсь своим личным временем! Почему, интересно, в Маниле они пользуются полной свободой передвижения, могут присутствовать где угодно, а в Багио, где полным-полно вооруженной стражи филиппинского и советского происхождения, им ставят какие-то ограничения!

Я очень разозлился, когда узнал, что йогов заставили подписать "подписку о невыезде" с дачи, где они находились. Я разозлился и на Кина, который исподтишка, не ставя в известность ни меня, ни фрау Лееверик, предавал мои интересы. Я написал письмо Лим Кок Ану:

"Меня искренно удивляет шум, затеянный организаторами вокруг присутствия членов "Ананды Марги" в турнир-

ном зале. По слухам, организаторы обеспокоены, что эти люди осуждены за преступление, но чувствуют себя свободно в зрительном зале. Я напоминаю всем, что они освобождены министерством юстиции за недостатком доказательств якобы совершенного ими преступления. Странно, что Кампоманесу не пришла в голову идея удалить фрау Лееверик. Все-таки много лет назад ей дали 20 лет тюрьмы за терроризм. Ей удалось выйти на свободу раньше, но она никогда не была реабилитирована. Точно так же и я, бежав два года назад из СССР, определенно нарушил советский закон. Без сомнения, меня считают преступником в СССР. Уж не хотел бы Кампоманес избавиться и от меня?!

Насколько мне известно, есть, действительно, несколько преступников в зале, но это члены советской группы. Для беженца из СССР присутствие в зале вооруженных агентов КГБ — реальная опасность. Тем не менее, до сих пор организаторы не предприняли попыток проверить наличие оружия в одежде Пищенко и его друзей.

Вернемся к сути проблемы: пару недель назад Кампоманес отрицал свое право удалить из зала кого-либо, кто мешает играющему. Теперь он демонстрирует желание выбросить лиц, которые никого не беспокоят! Как он может объяснить свою решимость?

Связь играющего с людьми в зрительном зале запрещена правилами ФИДЕ. Но хотя зрительная и умственная связь между Карповым и Зухарем была доказана свидетелями, организаторы пока не предприняли ничего, чтобы восстановить порядок. Вот почему я пригласил членов "Ананды Марги". Это — моя защита и контрмера. Мне они нужны. Они поддерживают меня, и я беру их под свою ответственность. Я гарантирую их безупречное поведение в зале. Я согласен, чтобы их обыскивали, я даже согласен, что они будут сидеть в рядах моей делегации в зале. Я не могу принять никакого компромисса от Кампоманеса, который вскрыл

во время матча свое ненейтральное поведение...

Я подчеркиваю, что члены организации "Ананда Марга" могут быть удалены только в случае, если Зухарь и Пищенко будут изгнаны из зала раз и навсегда.

В. Корчной. 12.7.78."

Я привожу это письмо в книге, чтобы еще раз изложить свои взгляды, еще раз изложить суть вопроса читателю. Само письмо не имело эффекта. Лим Кок Ан ознакомился с ним из рук М.Стина и... не принял его.

Гонения на Диди и Дада были восприняты с удивлением рядом лиц, ответственных за проведение матча. Мою дачу навестили по очереди Л.Шмид и М.Эйве. Они имели беседу с йогами и, как я понял, пришли к выводу, что те не представляют физической опасности — по меньшей мере.

23-я партия. Карпов в значительной мере уже утратил свое шахматное преимущество. Он расстрелял впустую свои "теоретические заряды". Он потерял уверенность в себе. Он теряет и последние физические силы. Белыми в сравнительно простом положении я переиграл Карпова. С известным трудом Карпову удалось найти этюдную защиту и свети партию вничью.

24-я партия. Я играю черными и впервые за много дней получаю перевес по дебюту. В середине игры я упускаю шанс зажать противника, и ему снова удается уйти на ничью.

В советском стане паника. По-видимому, чемпион всем высказывает свое неудовольствие, всех обвиняет в своей плохой игре. (Вскрылось это значительно позже— после матча чемпион разогнал свой штаб!) Таль дает интервью одной из европейских газет. Так редко приходится читать откровенные слова из уст советских чиновников! В словах Таля сквозит отчаяние. Чемпион, сообщает Таль, был подготовлен играть 24 партии, он был близок к победе! А что будет теперь — неизвестно...

25-я партия. Я нажимаю, играю непримиримо на выигрыш, но перегибаю палку. Действительно, в дебюте я имел солидное преимущество, но потом дал противнику укрепить позицию. Следовало делать ничью, но по инерции я делаю несколько псевдоактивных ходов. Карпов разворачивает свою позицию, его два слона выходят из заточения и простреливают всю доску. Я — в цейтноте, уже потерял пешку. Но пришел черед и Карпову ошибиться. Играя на мой цейтнот, он просматривает замаскированную комбинацию с жертвой ладьи. Преимущество уже у меня, но лишней пешки оказывается недостаточно для выигрыша.

26-я партия. Карпов ищет передышки: 1.c2-c4. Я разыгрываю дебют с подчеркнутым пренебрежением к правилам: я стремлюсь к нестандартной позиции с обоюдными шансами. Дебютный эксперимент оказался не вполне удачным. Белые — Карпов — сохранили перевес и возможности направлять игру по желанию в сложное или более спокойное русло. Пожалуй, Смыслов или Петросян, не говоря уже о Фишере — довели бы партию до победы. Но Карпов уже боится играть со мной сложные маневренные позиции. Неожиданно для зрителей, да и для меня самого, он разменивает свои централизованные фигуры и сводит игру к мертвотничьей позиции...

БУРНЫЙ ФИНАЛ

Как видим, моя тактика в матче заметно изменилась. Я не стараюсь затянуть матч бесцельными ничьими. Я не выказываю почтения к противнику, ведущему в счете. Наоборот! В каждой партии я ищу бескомпромиссной борьбы. Карпов психически подавлен. Он испытывает крайнюю усталость от необходимости все время обороняться.

Но все не так просто. Отчаянная игра на выигрыш при полном пренебрежении к противнику, противнику израненному, но еще не сломленному и дьявольски хитрому, может в любой момент обернуться неудачей. И это, наконец, случилось. Опять в 27-й партии я стоял по дебюту лучше. Опять мой противник, пережив временные трудности, сумел консолидировать позицию. Мне следовало четкой игрой поддерживать равновесие в позиции, но психологически трудно было перестроиться на защиту. Вскоре перевес уже у черных. Я ощущаю это. Неудовлетворенный своей позицией, я попадаю в цейтнот. В момент, когда позиция уже упростилась, когда ничья близка, я зеваю пешку. Партия была отложена, но я не пришел на доигрывание. Я считаю 27-ю партию одной из самых слабых в матче.

Вообще, когда два уважающих друг друга партнера встречаются в соревновании, в случае, если одни из них решил сдать без борьбы отложенную партию, полагается (по правилам учтивости) предупредить противника заранее, чтобы не утруждать его появлением в турнирном зале. Но здесь, в этом матче, где советские пустили в бой все — самые гадкие — средства, чтобы вывести противника из душевного равновесия, — здесь не до учтивости. В начале доигрывания мой секундант пришел в зал и сообщил, что я сдаю партию. Любопытная деталь: судьи не приняли его капитуляцию! Они потребовали от меня письменный документ, который им был доставлен еще через 45 минут.

Итак, счет стал 5:2. Матч явно подходит к концу. Карпов выигрывает его с большим перевесом. Ему осталось выиграть всего одну партию, только одну! И я не собираюсь тянуть матч, упираться, делать ничью за ничьей для того, чтобы помучить его перед концом или чтобы установить рекорд продолжительности матча. Нет, я буду продолжать, как играл. Чуть побольше собранности, чуть поменьше пренебрежения. Интересно, почему я так презираю этого челове-

ка, больше, чем кого-либо из современных гроссмейстеров? В этом надо разобраться. По-видимому, это смещение неприязни к внешнему облику, к политическому облику, к шахматному облику чемпиона. Лицемерием, фальшью пронизаны черты этого человека — его внешность, и его поведение, его высказывания в прессе, его "политико-шахматная" активность. Те, кто хорошо знает, как он силен, знает, в какие высокие правительственные круги он вхож, уверены — он приложил, бесспорно, руки к пленению моей семьи, к аресту моего сына. Он, бесспорно, замешан в деле задержания гроссмейстера Гулько. С мая 1979 года, когда Гулько с женой подал документы на выезд в Израиль, он не имеет ответа министерства внутренних дел, он находится в совершенно беспомощной ситуации. Рука Карпова здесь бесспорна.

Языковой барьер — это серьезная преграда. Трудно разобраться в человеке, который, даже если и в силах что-то сказать, предпочитает хранить "осмотрительное" молчание. Трудно определить сущность человека, который, выступая в турнирах на Западе, раз и навсегда надел на себя маску снисходительного превосходства. Остаются высказывания в прессе. И если собрать их в хронологическом порядке, вы будете поражены хитрости, изворотливости Карпова. "У чемпиона — советский характер!" — добавлю я. Для меня облик и имя Карпова — олицетворение преступлений советской военной хунты по всему свету.

Интересно, в ФРГ и Голландии Карпов — самый желанный гость в международных турнирах. Неужели организаторам этих турниров никогда не приходила в голову эта мысль? Неужели они не отдают себе отчет, что Карпов — приближенное лицо советского правительства, и, приглашая этого ангела смерти, они молчаливо высказывают одобрение политике советского правительства с его агрессивными целями?!..

Нет, я не собираюсь играть на ничью. Я постараюсь

найти еще кое-что в моем шахматном арсенале, чтобы заставить советского чемпиона работать своей собственной головой. Я постараюсь изолировать на эти несколько последних партий служащую Карпову многоголовую, мудрую гидру.

Хотя Карпов имеет явное преимущество в матче, ему трудно. Ему начинает отказывать нервная система. На этом отрезке матча он стал жаловаться на плохой сон. Он пытается спать то в отеле, то на даче, то в кантри-клубе... Итальянская коммунистическая газета "Унита" напечатала сообщение, что в Багио хулиганы устраивают оргии под окнами чемпиона. Газета "64" перепечатала ее без комментариев. Позвольте, а филиппинская полиция, а Пищенко с Крыловым — личные телохранители гения, — что же они прохлаждаются, что ж они не могут охранить покой гениального сына советского народа?!

Видите ли, в то время, когда великий сын ложится спать, поднимаются ото сна петухи, вздымаются в воздух первые самолеты. И — поскольку надо кормить посла советского народа и сопровождающую его ораву, невозможно ничего переделать, отменить. Особенно несговорчивы петухи! А ведь и его величество иногда непрочь полакомиться яичками!

В эти дни Карпов, как рассказывают, чтобы успокоить свою нервную систему, стал поигрывать в свободное время в игру, которой его и его соратников обучил Эд Эдмондсон, — "Отелло". Как это полагается у них, у советских, чемпион должен быть образцом во всем: он и отличный студент, и прекрасный семьянин, и побеждает всюду! Естественно, прошел слух, что Карпов побеждает всех и в "Отелло". Однажды Эдмондсону довелось сыграть с Балашовым. Играл Балашов слабо. Разговорились: Эдмондсон спросил, играл ли тот с Карповым. "Да". — "Ну, и кто выигрывает?" Балашов осторожно огляделся вокруг, не поймают ли кто-

нибудь его в момент разглашения государственной тайны, и кратко ответил: "Я".

28-я партия. Накануне ее уехал главный судья Лотар Шмид. Он и вправду предупреждал заранее, что в октябре у него неотложные дела. Я понимаю — будь у него, действительно, важная роль, прерогативы власти, возможности решать проблемы, которых на этом матче хватало — он бы остался! А если он лишь должен был включать часы да фиксировать просрочку времени, и даже поведение участников матча не могло быть им контролировано, если организаторы матча и жюри отобрали от него все полагающиеся главному судье функции, чем же ему было заниматься?!

Все было предусмотрено заранее. Решено было, что в случае отъезда Шмида руководить будут Кажич (Югославия) и Филип (Чехословакия), с условием, что Филип не может быть главным судьей. Ничего подобного! Филип и стал главным! Человек, который, как оказалось, написал во время матча и после него несколько грязных статей в пражской газете "Руде право"! То есть, повторяю, на ход матча это не могло иметь серьезного влияния, а все-таки и на сцене у советских был свой человек! И, забегая вперед, кто знает, как бы вел себя во время последней партии, когда были похерены все достигнутые ранее соглашения, — нормальный объективный судья вместо трусливого, продажного Филипа...

В 28-й партии я решил сыграть вариант, который мы немало анализировали со Стином, но считали рискованным. Ясно было, что Карпов, которому нужна только одна победа, не будет стремиться к осложнениям, а будет выжидать свой шанс. Вскоре после дебюта, разыгранного Карповым без маломальского понимания, мне удалось перехватить инициативу. Черные получили преревес в окончании. В сложном четырехладейном эндшпиле партия была отложена.

Анализ и доигрывание партии в матче — это, бесспорно, самый напряженный момент шахматного поединка. Описать

что спит, хотя и во сне его голова работает. Утром начинается совместная работа. Позиции оцениваются и переоцениваются, надежды сменяются разочарованиями. Анализ идет бесперывно, не хватает времени на обед...

Отправляясь на доигрывание, я был уверен, что Карпов аккуратной игрой может свести партию вничью. Но наши анализы шли разными путями. По-видимому, Карпов решил, что его позиция проиграна, и потому избрал, как последний шанс, активное, совершенно неожиданное для меня, продолжение. Я отреагировал неудачно. Партия почти выравнялась...

Но на помощь пришел... мой цейтнот! Карпов безостановочно играл в стиле "блиц". Дважды он упустил верную ничью. А когда развеялся дым цейтнота, развеялись и надежды Карпова спасти партию. 5:3!

29-я партия. Снова мне удалось найти дебют, о котором у чемпиона мира — никакого представления! Больше часа он потратил на первые 9 ходов, но так и не нашел пути к управлению. Возникшая в середине игры позиция предвещала Карпову трудную продолжительную защиту. Откладывание не принесло ему облегчения. При доигрывании он, похоже, сумел на время найти ничейную стойку. Но опять, в момент моего цейтнота, он сбивается с правильного пути и проигрывает. 5:4!

Ох, что же творилось в советском лагере в эти дни! Все официальные лица: Ивонин — шеф советских шахмат, Севастьянов — председатель советской шахматной федерации — уже давно в Багио, по-видимому, чтобы присутствовать на заключительном банкете. А банкета все нет! А чемпион тяжело переживает свои поражения и на всех срывает свою злость. Достается и официальным лицам...

На 29-ю партию, кстати, поспел и четвертый шахматный тренер — гроссмейстер Васюков. Мне-то, в принципе, все равно, где находится Васюков — в Васюках, Москве или

Багио — как практику Васюкову не хватает только одной вещи — таланта, а как тренеру — здравого смысла. Но существует ли слово "порядочность" в лексиконе советских людей?! Человек, который работал со мной накануне Кюрасао в 1962 г., во время межзонального турнира в Сусе 1967 г., во время матча с Карповым в Москве в 1974 года — оказался теперь среди тренеров Карпова!..

По ходу матча я узнаю еще одну любопытную деталь. Моя книга — автобиография на английском языке в количестве 100 экземпляров — была послана фирмой Батсфорд на Филиппины на нашей просьбе и прибыла туда 8 июля. С тех пор она находилась на таможне. Мне сообщили, что существует секретная инструкция, запрещающая распространение антисоветской литературы в стране, и поэтому книгу не пропускают.

Не могу ручаться за достоверность последнего сообщения — я получил его от Кина, а тот, скорее всего, — от Кампоманеса. Но нужно было спасти товар. Через знакомых, взятками служащим таможни, да и посреднику — Кину — мне удалось "выкупить" книгу. Но о продаже ее в здании, где мы играем, не может быть и речи — Кампоманес не разрешает. Не без труда нам удастся найти продавца-перекупщика, а тот распространяет книгу — из рук в руки — среди населения...

30-я партия. Карпов сбит с толку моими дебютными новшествами; он не знает, что ему играть. Он не ищет дебютного преимущества, он просто "тянет время". Маневренная борьба с небольшим преимуществом у Карпова заканчивается равным окончанием. Партия откладывается, но советский лагерь вскоре предлагает ничью. Велико было искушение снова проверить анализ хваленых советских аналитиков, но я смирился. Ничья.

31-я партия. Чтобы избежать каких-либо неожиданностей, Карпов играет дебют просто и скромно, как Ка-

пабланка. Ферзевый гамбит, впервые в матче!

Впрочем, чтобы играть такой дебют, нужно еще понимать игру, особенно эндшпиль, как Капабланка. Герой нашей книги, уральский карлик — этим похвастаться не может.

Кстати, читателю должно быть известно, что в Советском Союзе все — самого высокого качества: паралич — самый прогрессивный, гипертония — давление крови — самое высокое, да и карлики — самые крупные в мире!

Дебют 31-й партии не принес мне ни малейшего преимущества. Но после размена ферзей мне удалось, используя пассивную игру партнера, создать некоторую инициативу. В цейтноте я чуть-чуть задержался с прорывом в центре и провел его не в самый удачный момент. Но и так, кажется, все в порядке: на доске возник ладейный эндшпиль, по оценке подавляющего большинства специалистов, — выигрышный для белых.

Велико было наше разочарование, когда, придя домой, мы обнаружили, что в главном варианте Карпов единственными ходами добивается ничьей! А что дают другие, побочные варианты? Да ничего! У черных всюду достаточная конт-игра.

Это был трудный анализ! Мне предстояло угадать продолжение, которое не было бы проанализировано Карповым и его группой. Заставить Карпова работать своей собственной головой в этом довольно простом положении — это была задача не из легких! Доигрывание этой партии было головоломкой для выдавших виды гроссмейстеров. Нужно было знать анализы, вникнуть в психологическое состояние Карпова, чтобы понять происходившее. Я жертвую пешки, я даю Карпову шансы на выигрыш в остром окончании, а он не хочет! Он, избегая осложнений, аккуратно играет на ничью. Играет на ничью далеко не самым лучшим образом. Для достижения ничьей ему нужно сделать несколько точ-

ных ходов, и он — спотыкается! Просмотрев мой промежуточный ход, он потерял важную пешку и вскоре сдался. 5:5!

За три месяца матча я получил более 300 писем из 28 стран. Здесь были доброжелательные письма из Болгарии, Польши, СССР (!), стран Азии, Южной и Северной Америки, Западной Европы, Австралии, Южной Африки. Особенно возросла почта после 17-й партии, после моей пресс-конференции в Маниле. Люди мира, даже (и особенно!) не играющие в шахматы, поняли, что идет грязная политическая игра, люди выражали свою солидарность со мной, извещали меня, что они болеют, страдают, молятся за меня. Не всем тем, кто писал мне, были ясны мои гражданские и, тем более, религиозные взгляды, но им было ясно, что это была борьба против страны-хищника, против страны, попирающей все гражданские свободы. Я получил письма очевидного религиозного направления с выражением симпатии от протестантов, католиков, православных, иудеев, хинди, мусульман, иезуитов! Я чувствовал за собой поддержку всего мира! Эта крохотная репетиция большой войны дорого обошлась в пропагандистском смысле Советскому Союзу... Еще интенсивнее стал поток писем к концу матча. Я узнал, что и на Филиппинах люди, оказывается, болеют за меня. Что крохотная группа интриганов-организаторов матча ничуть не отражает настроения в стране.

Позволю себе привести некоторые из писем и телеграмм.

”Всем сердцем с Вами. Жан-Поль Сартр, Самуэл Беккет, Эжэн Ионеско, Фердинанд Аррабал”. ”Моя дочь и я будем молиться, чтобы Вы выиграли 29-ю партию. Маг Мулонг. Филиппины”. ”Мы, испанцы, просим Вас собраться духом, чтобы бороться и победить. В чемпионатах мира не должно быть политико-бюрократического аппарата. Симпатии и пожелания успехов. Мауро Лоза, Мадрид”. ”Поздрав-

ления по поводу недавних побед. Вы расшевелили американскую прессу и завоевали на свою сторону массу болельщиков. Вы подобрали ключ, как бить Карпова. Сделайте это еще разок. Клинт Восе, Чикаго". "Поздравления! Я и со мной еще миллион филиппинцев терпеливо наблюдаем, как Вы становитесь чемпионом мира. Олайвар, Манила."

Что же все-таки случилось в матче, во второй его половине? Карпов, который имел колоссальный психологический, спортивный, шахматный, политический, наконец, перевес — не только не сумел его использовать, но растерял все по дороге. Единственная уступка, на которую согласились советские — убрать советского психолога из пределов видимости — дорого обошлась чемпиону. Карпов утратил свои лучшие качества, и прежде всего, тонкость психологической оценки позиции! Боюсь, что этот термин не всем понятен, включая многих гроссмейстеров. Это — не реальная оценка позиции, а отражение представления о позиции вашего противника. Способность понять ход мышления противника — это очень много! Это значит — примерно вдвое сократить анализ возможностей противника, рассматривая лишь то, что противник считает наиболее неприятным для вас или для себя. Это значит — предвидеть, что будет делать противник!

Этим качеством владеет Карпов — более, чем другие гроссмейстеры, и его-то он и утратил! Насколько мощным он выглядел в этом плане в 13-й и первой половине 17-й партии, настолько жалким — в 29-й и 31-й! Налицо была и полная потеря уверенности в себе — качества, которое, без всяких на то оснований, не покидало Карпова с детских лет.

Нельзя не сказать несколько теплых слов о двух йогах, которые прибыли в мой лагерь во второй половине матча и самоотверженно трудились, стараясь поднять мое физическое состояние и боевой дух. Мы вместе делали физические упражнения, занимались медитацией. Когда я уставал после

напряженной партии, они делали мне успокаивающий массаж. Когда однажды я простудился и слег, они лучше всяких сиделок отхаживали меня. Они заменяли мне по меньшей мере половину штаба Карпова! А если передача мыслей на расстоянии (особенно ненависти, как говорили мне английские психологи!) существует, то здесь они оказались просто незаменимы. Они избрали своим объектом Зухаря. С первого момента, как он их увидел, Зухарь "потерял лицо". На него, рассказывают, было больно смотреть. Он увядал на глазах!

С тех пор на моих йогов началось наступление. Их стали ограждать, ограничивать в свободе появляться тут и там. Странное дело! Они, йоги, уже и с дачи не выходили, а советские все никак не могли успокоиться. Окруженные вооруженной до зубов филиппинской и советской тайной и явной полицией, Карпов и Зухарь уверяли, что их жизни грозит опасность. Накануне последней партии Карпов издал ультиматум. Он заявил, что не может чувствовать себя спокойно, пока "преступники", как он выражался, находятся в Багио, и отказывался играть последнюю партию.

Кстати о преступниках. Папаша чемпиона, будучи инженером завода в Туле, в 1975 году проворовался. Ему угрожал суд и тюрьма. Сынку, в то время готовившемуся в чемпионы мира на папашин манер (воруют ведь не только деньги, но и звания), удалось замять дело и перевести шкодливого отца на работу в Ленинград.

К великому сожалению, я ничего не знал об ультиматуме Карпова. Читатель может догадаться, каков был бы мой ответ. Но поскольку вся полнота власти и информации находилась в тот момент у Кина (напоминаю – присвоившего себе эту власть самочинно), мои интересы были преданы им в угоду собственным интересам и интересам советских. Зная факты, всплывшие впоследствии, нетрудно убедиться, что господину Кину теперь было крайне невыгодно, чтобы я

выиграл матч! Взгляните, читатель, еще раз страницу 23, чтобы освежить в памяти контракт, подписанный им и мною накануне матча. Оказывается, Кин писал книгу, писал каждый день во время матча, отправляя свои телексы в Лондон! Он не мог претендовать получить гонорар от меня, как бы он ни был велик в случае выигрыша. Более того, став чемпионом мира, я, располагая бесконечно большей властью, сумел бы, скорее всего, добиться, что Кин не получил бы и гонорара как старший тренер от организаторов — должно же, в конце концов, вероломное нарушение контракта быть наказано! Наконец, еще один момент: книга Кина, где он, как мог, критиковал меня, госпожу Лееверик и других, была написана в предположении, даже в уверенности, что я проигрываю матч. Ему, Кину, пришлось бы переделывать книгу! И тогда она не смогла бы появиться на второй день после окончания матча, как она в действительности появилась, доступная в любом магазине Лондона. А пришлось бы задержать на недельку ее выход, поставив под угрозу, таким образом, ее финансовый успех!

Нет, господин Кин все отлично продумал, прежде чем избрать свою линию повсдения.

После 13-й партии Карпов взял последний тайм-аут. Ему надлежало привести в порядок пошатнувшуюся нервную систему, заделать прорехи в его дебютной подготовке, подготовить юридически новое наступление на моих помощников. Для этого ему следовало дожидаться и отъезда Эйве. Президент, сдинственная фигура, которой немножко стыдились советские, по плану, составленному мисс Баккер, покидал Багио в самые горячие дни матча для того, чтобы навести порядок в шахматной федерации Венесуэлы. Им с госпожой Баккер эти дела были важнее, чем вопрос, кто будет чемпионом мира. Правда, перед отъездом Эйве вызвал для беседы Кина и фрау Лееверик и заявил, что, если совет-

ские снова будут трогать моих помощников-йогов, он разрешает мне остановить матч.

Карпов отправился в Манилу на пару дней разрядиться. Судя по его поведению в Маниле, он знал — до самых мелочей! — все, что произойдет в день последнего тура! В Маниле, правда, он удовольствия не получил. Он посетил финальный матч чемпионата мира по боксетболу и был свидетелем, как советская команда вторично была разбита в напряженной борьбе югославами. Зная его суеверный характер, можно с уверенностью сказать, что он покинул Манилу с тяжелым сердцем — если допустимо вообще упоминать этот чувствительный орган у этого запрограммированного партией молодчика.

А у меня пока было время подумать о том, что случилось в матче, и о последующей партии. Сейчас, когда счет стал 5:5, когда позади было несколько месяцев напряженной подготовки и борьбы, я по-другому представил себе торг, предшествовавший моменту сдачи Фишером шахматной короны и передачи ее Карпову, по-новому оценил и условия нынешнего матча, предписанные мне советскими. Трудно вообще представить себе равный счет в продолжающемся несколько месяцев матче. А вот сейчас этот счет был налицо. Прав ли был Фишер, когда требовал защитить права чемпиона мира двумя очками форы — чтобы претендент, если он в силах, выигрывал матч со счетом 6:4, а при счете 5:5 сохранял свое звание? Да, это было вполне естественно, да, чемпион этого заслуживает, не говоря о том, что при счете 5:5 дальнейшая игра — это чистая потеря, и кто бы ни выиграл — это уже неубедительно!

Более того, я представил, что выигрываю этот матч. А через 12-15 месяцев должен состояться матч-реванш. И я представил себе, что проигрываю реванш и просто физически, по времени — не могу принять участия в новом цикле борьбы, поскольку в тот момент уже начались бы матчи

следующего турнира претендентов... Все это я высказал в интервью накануне последней партии.

Да, гениальному Фишеру не дали сыграть матч на первенство мира, наглухо воспротивившись дать ему перевес в два очка! А потом? Потом советские приняли его идею играть матч на первенство мира, не считая ничьих, а вместо фишеровской идеи двух очков форы чемпиону, они защитили Карпова куда тверже, куда безжалостнее для претендента — матч-реваншем! Идеей, которая однажды уже была — в 1962 году — похоронена ФИДЕ и вновь воскрешена в 1977 году в угоду Карпову.

Забегая вперед .. в 1979 году я предложил изменить правила борьбы в матче на первенство мира — отменить реванш и заменить двумя очками форы в пользу чемпиона. Советские не приняли это предложение. ФИДЕ оставила все по-старому...

А чем же занимался штаб Карпова, пока он сдил отдохнуть в Манилу? Они строчили новые письма-указания для жюри. Они уточняли на месте все нешахматные детали последней партии... В апартаментах советской бригады находилась телекс-машина, установленная для обеспечения советским секретной связи с Москвой. Члены нашей группы пользовались телексом, доступным для проверки всеми, и в первую очередь Кампоманесом. В эти дни по этой секретной линии советские отчаянно запрашивали Москву — что делать, если Корчной сейчас откажется продолжать матч и требует немедленно отпустить его семью из СССР? Отличная идея! Увы, в этот момент в моем лагере не было трезвых людей. Все были взбудоражены ситуацией в матче. Никому эта мысль не пришла в голову. Все, как один, мы, признаюсь, переоценивали мои шансы в дальнейшей борьбе.

Что ж, нельзя не отдать должное гибкости стратегического и тактического мышления советских. Они это доказали и продолжают доказывать на политической арене зем-

ного шара, устанавливая свое влияние во всех уголках земного шара, привлекая отбросы западного мира для сотрудничества с ними, дезорганизуя саму экономическую жизнь западного общества. А здесь, на Филиппинах, тоже шла маленькая война — были привлечены лучшие из лучших советские специалисты, и им помогал в прошлом находившийся под судом за коррупцию Кампоманес...

С утра в день 32-й партии состоялось очередное и последнее, как оказалось, заседание жюри. Друг Кампоманеса, Лим Кок Ан, к тому времени уже был дома, в Сингапуре. Но чтобы обеспечить большинство "Советам", его за пару дней до последней партии срочно, тайно вызвали обратно. Главный судья Л.Шмид был заменен в жюри послушным Филипом. Так что можно было не сомневаться в единодушии жюри.

Зачитали письмо "Балашова—Карпова". Чемпион отказывается играть, если представители организации "Ананда Марга", т.е. мои верные йоги-помощники, будут находиться в Багио. Все было ясно. Было чуть-чуть неудобно, что жюри должно было отменить свои прежние решения, когда казалось, что все были удовлетворены положением, так сказать, домашнего ареста йогов. Но — желание советских — закон, и, поартачившись для виду, как того требовал сценарий, Кин написал заявление, что для того, чтобы спасти чемпиона от проигрыша ввиду его неявки, он соглашается убрать йогов из Багио. Он взял этот акт под свою ответственность, скрепил своей подписью заверение исполнить требование советских. К двум часам дня он явился на дачу и сообщил йогам и госпоже Лееверик, что они должны отбыть. И они — на моих глазах — покинули Багио.

Интересно, думаю я сейчас — а что бы случилось, если бы они послушались? Ведь нет в свободном государстве такой силы, которая могла бы депортировать свободных людей! Ведь не вступили же пока Филиппины в "союз неруши-

мый республик свободных”! Это, извините, первая строчка советского гимна. К каждому слову правильно было бы поставить кавычки...

Мне прямо ни о чем не сообщили, но из телефонных разговоров, которые прослушивались двухсторонне — как нашей стражей, так при желании и каждым из нас — я понял, что моих помощников выгнали из города. А накануне партии на дачу неожиданно, и как до сих пор не бывало, явился сам Кин — очевидно, проверить, не вернулись ли йоги. Нет, господин Кин, и всемогущие йоги уже не в силах были задержать выпуск вашей книги!

Я пришел в зал на игру. Очевидцы рассказывают, что в этот день зал представлял собой скорее арену полицейских маневров, нежели мирное шахматное соревнование. Здание было переполнено одетыми в штатское и форму полицейскими. Пройти из зала в буфет было невозможно...

Что меня поразило накануне партии — я встретился пару раз глазами с советскими — на их лицах было затаенное торжество, злорадство. Эти моральные выродки — Таль, Балашов, Васюков и другие — они готовы на любые трюки, чтобы добиться успеха. О, нет, они не чувствуют ни малейших угрызений совести, что над моей семьей измываются в Советском Союзе их друзья и братья. Куда там! У них на лице — звериная злоба!

У вас никогда не было такого чувства, читатель? О, это незабываемое ощущение! Вы проходите сквозь строй ненавидящих вас глаз, и каждый в этом строю мысленно разделяет вас под жаркое... Ну что ж, пожалуй, тот, кто не испытал такого, еще и не жил на свете по-настоящему, читатель. А мне, дорогие мои, есть, что вспомнить, уйдя на пенсию...

Интересно все-таки: если ФИДЕ заявляет, что она не имеет дела с политикой, почему же такой матч проходит под эгидой ФИДЕ?!

Началась партия. В первом ряду сидели официальные руководители советских шахмат, а в четвертом ряду разместился наш старый знакомый — Зухарь!

Кин, побуждаемый Стином и Муреем, обратился к Батуриному за разъяснениями. Батуринский ответил просто: "Это было джентльменское соглашение, оно обязательно лишь для джентльменов"! После, в Советском Союзе, он любил повторять этот эпизод, похваляясь своим остроумием.

Нет, господа американские конгрессмены, я не собираюсь равнять значимость соглашения Кин — Батуринский с важностью договора ОСВ-2 Картер — Брежнев! Но зато и потери от нарушения договора "неджентльменами" окажутся куда ощутимее! А форма отказа будет примерно такой же!

Несмотря на то, что Стин просил Кина прервать партию, Кин отказался под предлогом, что это происшествие окажет на меня сильное нервное воздействие. Могли остановить партию и судьи. Ведь они знали о подписанном соглашении! Но разве чех и югослав могли перечить советским?!

В начале восьмого на игру пришла фрау Лееверик. Она немедленно потребовала послать телеграмму протеста доктору Эйве. Кин, которого она попросила это сделать, уклонился от своей обязанности. Примерно без четверти восемь телекс был послан Стином.

А партия? Все шло своим чередом. Я играл не на ничью. Я подготовил вариант, вернее — новый ход в известном, хотя и не очень легком варианте. Я анализировал его много дней, я рассчитывал на психологический эффект новинки. Каково же было мое удивление, когда Карпов в критический момент ответил не думая! Он знал этот ход, более того — я почувствовал, что он знал — именно это я подготовил играть сегодня!

В моем положении я должен был быть к этому психо-

логически подготовлен — о том, что мои квартиры прослушиваются, я догадался уже после 7-й партии. А если на этот раз кто-нибудь из моих секундантов донес этот ход до Карпова — не все ли мне равно! И все-таки я почувствовал себя нехорошо...

Что меня еще удивило во время партии — Карпов играл на редкость уверенно — не сравнить с последними партиями. Нет, я не видел Зухаря во время игры, я только через Карпова чувствовал — задница кентавра опять обрела свою голову!

Да, Карпов играл неплохо. По дебюту, правда, он не использовал всех шансов — дал мне высвободить игру. Но я не использовал свой шанс. Трудности черных оказались уже стабильного характера. Потом я попал в цейтнот, понес материальные потери и — партия была отложена.

После партии мои друзья рассказали мне в деталях все перипетии дня. Ситуация скандальная, нужно жаловаться в ФИДЕ и в суд. Доигрывать партию я не собирался, а склонен был обжаловать незакончившуюся партию как незаконную. Единственный, кто не собирался поднимать шум, был Кин. Более того, в 9 часов утра он позвонил Филипу и сообщил, что я сдаю партию. Письменного документа не было. Сдача 27-й партии, как вы помните, не была принята судьями. Сейчас же, наоборот, они поспешили принять сдачу. В час дня я послал Филипу письмо: "Я не буду продолжать 32-ю партию. Но я не собираюсь подписывать бланк, потому что партия игралась в абсолютно незаконных условиях. Я не считаю эту партию законной. Матч не окончен. Я оставляю за собой право жаловаться ФИДЕ на нетерпимое поведение советских, враждебность организаторов, недостаточную активность судей. В.Корчной. 18.10.78."

Затем я обратился с жалобой в ФИДЕ, поддержанной швейцарской шахматной федерацией. Я протестовал против нарушения советскими соглашения во время последней пар-

тии. Я жаловался на поведение организаторов, определенно помогавших всеми средствами советским.

Я отказался явиться на закрытие соревнования. Это был мой протест против поведения советских, против Кампоманеса. Я считаю себя правым на 100%. Матч, который советские совместно с организаторами превратили в побоище, где при пособничестве жюри была выброшена к чертям всякая этика, где ломались правила и соглашения – в таком соревновании и церемония закрытия превращается в место казни бесправного. Недавно созданы новые правила матча на первенство мира. Там записано, что участники обязаны присутствовать на церемонии закрытия, под страхом потери 25% гонорара. Господа, которые составили это правило, вероятно, не знакомы с людьми, для которых принципы дороже денег. Могу напомнить: в 1971 г. Р.Хюбнер, не закончив матч с Петросяном в Севилье, покинул поле боя в знак протеста против действий партнера, а также судьи Голомбека. Он так никогда и не получил гонорара за этот матч. Обиднее же другое: ФИДЕ так никогда и не обсуждала, кто прав, кто виноват в этом матче. Не потому ли, что там был замешан советский участник?

На следующий день после закрытия Кин привез в Манилу чек для меня, данный ему Кампоманесом. Кин не пожелал встретиться со мною лично – смотреть мне в глаза ему не хотелось.

На чеке была многозначительная надпись: "Подлежит покрытию лишь в случае, если Корчной признает матч закончившимся". Это ли не тактика выламывания рук?! Кампоманес диктует свободному гражданину, как себя вести!

А если вдуматься, читатель... Ведь этой надписью он признает себя виноватым! Что бы ему бояться суда?! Если он, если советские правы, судебный процесс только принесет мне новое финансовое и моральное разочарование...

Обстановка накануне отъезда из Манилы была тревож-

ной. Кампоманес делал все, чтобы омрачить наши последние дни пребывания на Филиппинах. У нас — Стина, Лееверик и мсня — были билеты филиппинской авиакомпании в Европу, но места не были резервированы. Нам сообщили, что ближайшая возможность вылета — 2 ноября. Все мы спешили на шахматную олимпиаду в Буэнос-Айрес, она начиналась 24 октября. Мало того, что Кампоманес наотрез отказался нам помочь с отъездом — он послал вдогонку нам письмо, что с понедельника 22 октября мы должны были сами оплачивать отель. А кроме одного-единственного "условного" чека у нас было туго со средствами.

Нас выручило маленькое чудо. Меня вместе с моими друзьями пригласили на сеанс в Гонконг. В понедельник мы долетели до континента. А там, доплатив свои деньги — 1000 долларов, мы с фрау Лееверик вскоре попали и на прямой самолет в Цюрих. Также и Стину, доплатив порядочную сумму, удалось вылететь из Гонконга на Лос-Анджелес и дальше в Буэнос-Айрес.

Велико было мое удивление, когда я узнал, что на заседании Бюро ФИДЕ в Граце в феврале 1979 года, где должна была обсуждаться жалоба Стина на Кампоманеса, господин Кин дал показание, что Кампоманес безупречно провел соревнование в Багио и с гостеприимством и радушием выполнил свои функции как хозяин матча и финансовый организатор. Я квалифицирую это показание как заведомо ложное! Ведь Кин, даже если бы он очень хотел, не мог быть в курсе всех наших злоключений — сам он, днем позже, чем мы, улетел из Манилы прямым самолетом в Европу! Образно говоря, господин Кин запустил руку в карман М.Стина, вынул оттуда деньги и благородно вручил их Кампоманесу!

На заседании Генеральной Ассамблеи ФИДЕ обсуждалась моя жалоба. Выступал мой адвокат, А.Бродбек, на немецком языке. Мало кто слушал. Кампоманес вел себя вызывающе нахально. Не зная ни слова по-немецки, он не при-

касаясь к наушникам, все время корчил рожи, сидя в президиуме на сцене.

Забегая вперед, в Граце, в феврале, он бросился на моего юриста с бутылкой! До чего же все-таки мы дожили! На шахматном форуме, на собрании весьма уважаемых в мире людей, сидят и даже верховодят Кампоманесы, и никто не в силах поставить их на место!

Любопытным было ответное слово Кампоманеса на речь Бродбека в Буэнос-Айресе. Он кричал, размахивал руками, он выкрикивал угрозы по адресу фрау Лееверик, он изображал в лицах, как мои йоги убили его друга – индийского дипломата, как из несчастной жертвы лилась кровь! Он ничего не сказал по существу дела, о нарушении соглашения советскими. Впрочем, как главный козырь, он зачитал письмо. Письмо Кина якобы к господину Илюзорио. Текст письма следующий: "Чтобы поставить все на свои места, я информирую Вас следующим, что Виктор Корчной проиграл 32-ю партию, абсолютно не зная о псевдоюридической процедуре, которая состоялась на жюри (изгнание йогов! – В.К.). Точно так же ничего не знал он и о факте присутствия Зухаря в 4-м ряду во время игры. Р.Кин. 23.10.78".

Рассказывают, что, когда в просторном помещении, где заседала ФИДЕ, зачитывалось это письмо, полного, румяного англичанина с добродушной внешностью – я имею в виду автора письма – едва не хватил кондрашка. Кто знает, может быть, суперчестолюбивый господин Кин задыхался от факта собственной значительности? Правда, когда позднее я обратился к Кину за разъяснениями – кто уполномочил его писать это письмо (сами знаем – кто!), он стал бормотать, что это была частная переписка и что Кампоманес не имел права ее публиковать.

Между тем, форма изложения в письме явствовала, что оно было написано под диктовку Кампоманеса, а госпо-

дин Илюзорио никогда его не получал. А зачем ему, одному из спонсоров матча, было его получать! Все, что содержалось в письме, его абсолютно не касалось...

Я обещал Кину простить его долги мне (только финансовые!), если на следующем заседании он выступит против Кампоманеса публично, или хотя бы письменно. Он обещал, но ничего не сделал. Ну, как же Кин мог выступить против своего лучшего друга!

Нет, не захотела ФИДЕ решать вопрос о матче, не захотела восстановить справедливость. Единственное, что она решила, что я могу реализовать свой чек. Ладно, с худой овцы хоть шерсти клок.

Интересно было наблюдать следующую процедуру. Почувствовав, что группа делегатов настроена в мою пользу, что возможны незапланированные выступления, которые приведут к необходимости болезненного расследования фактов при наличии десятков свидетелей, Авербах (СССР) предложил перенести обсуждение вопроса на заседание Бюро ФИДЕ в Грац. Таким путем поток желающих высказаться на конгрессе по этому поводу был бы ограничен до минимума. Сразу стали голосовать за это предложение. Сидящие в зале представители Африки и Азии, большинство из которых ничего не понимало, что происходит, и даже не следило за происходящим, тут же подняли руки за предложение советского делегата!

Я никогда не присутствовал на заседаниях ООН, но боюсь, что мировые проблемы решаются там таким же способом...

А что же решило Бюро ФИДЕ? Бюро, в составе которого было 10 человек, обсуждало, оказывается, не мой протест, а протест организаторов матча против моего поведения в Багио! Бюро единодушно одобрило следующее заявление (при принятии заявления отсутствовали А.Олафсон и К. Юнквирц, но это не помешало Кампоманесу и Баккер упо-

требить слово "единодушно"): "Матч на первенство мира между Карповым и Корчным в Багио 1978 года подготовлен и организован в совершенно отличном стиле шахматной федерацией Филиппин.

После усердного изучения Бюро ФИДЕ подтверждает, что жюри присяжных также выполнило свои обязанности объективным и действенным образом". (Вероятно, поэтому новые правила матча на первенство мира исключают вообще такой орган, как жюри! — В.К.)

"В связи с этим (в связи с чем? — В.К.) мы должны объявить преднамеренные (! — В.К.) действия и оплошности, допущенные претендентом в период борьбы за первенство мира (обратите внимание, читатель, меня обвиняют в плохом поведении не только во время матча с Карповым! — В.К.), которые не соответствуют спортивной этике шахмат и общепринятым правилам поведения и которые также наносят вред достоинству, престижу ФИДЕ.

Бюро ФИДЕ сожалеет о поведении претендента и сурово предостерегает Корчного вести себя корректно во всех будущих матчах".

Вам понятно, читатель? Бюро ФИДЕ не склонно обсуждать упущения и преднамеренные действия других сторон. Не желает оно приводить и пункты нарушения Корчным этики и т.п. Его меморандум — последнее предупреждение перед решительным, раз и навсегда, изгнанием Корчного из соревнований ФИДЕ! А повод — повод найдется...

Дважды я просил мисс Баккер прислать мне протоколы заседания в Граце. Должен же я знать, за что меня так осуждают! Должен же я знать, за что Кампоманес пытался избить моего адвоката! Видимо — за дело — согласно приведенной выше декларации, виноваты мы с адвокатом, а Кампоманес всегда прав! Но, оказывается, получить протоколы невозможно — материалы этого заседания — строго секретны!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В декабре 1979 года в Ленинграде решением уголовного суда мой сын был осужден на два с половиной года тюрьмы. В июле 1977 года он впервые обратился за разрешением на выезд из Советского Союза, в мае 1978 года получил повестку с требованием служить в советской армии. После 12 месяцев пребывания в подполье он решил сдаться властям. ТАСС объявил: "Состоялся суд над сыном известного своим скандальным поведением гроссмейстера Корчного". Дали понять, что судят сына за грехи отца. Дали понять, что суд в Граце и в Ленинграде тесно связаны! Такой же, только говорящий по-русски "Кампоманес" заявил об исключительной важности дела, заявил, что мой сын — опасный преступник, тунеядец, не занимающийся полезным для общества делом, уклоняющийся от священной обязанности советского гражданина... Ссылки на плохое состояние здоровья, ссылки на то, что И.Корчной давно уже решил ехать за границу и не может принять присягу верности СССР — все это было отмечено. После 9-часового заседания суд присудил почти высшую меру наказания по статье за уклонение от службы в армии (потолок по этой статье был 3 года).

После матча в Багио, после того, как ФИДЕ признала законность матча, я обратился в суд в Амстердаме. Я подал протест против ФИДЕ, которая не создала равных условий соперникам, или, точнее, как явствует из последних решений ФИДЕ, не захотела создать равных условий в матче для обеих сторон. Я обвиняю также и Карпова — в неэтичном поведении, в нарушении им контрактов. Я требую, как минимум — хотя в данной ситуации, согласно рамкам закона, это и максимум — признать последнюю партию недействительной. Задача суда не проста. Впервые в истории существования ФИДЕ шахматист обратился в суд против ее действий.

Ряд федераций, например футбольных, уже вынужден был подчиниться решениям суда. А ФИДЕ считает себя неподсудной! Ну, конечно, если считать ФИДЕ советской организацией, то она права. Советские организации, граждане — неподсудны, недоступны объективному, независимому от политических сил правосудию!

Упорно сопротивляется суду и новый президент Олафсон, хотя, казалось бы, лично он вообще ни при чем — за то, что случилось в Багио, он не несет никакой ответственности. При обсуждении матча в Багио суд учитывает все. Бесправность моей семьи, нахальное поведение организатора матча, беспардонное нарушение соглашений советскими, бойкот меня советскими в текущих соревнованиях — все на чаше весов! И все это старается прикрыть своей широкой спиной президент Олафсон!

Боюсь, что от этого суда зависит будущее мировой шахматной организации. Будет ли она по-прежнему игрушкой в руках Советского Союза, организацией бесполезной для шахмат и шахматистов, или она сумеет освободиться от опутавших ее политиков, которые употребляют ее лишь для пропаганды в интересах своих правительств.

Я позволю себе в заключение привести письмо Ф.Олафсону. Я написал его после личной беседы с президентом у него на дому, в Рейкьявике. Письмо было им получено, есть свидетели, что он прочел его. Ответа я никогда не получил — ни публично, ни частно.

Уважаемый господин Олафсон!

Следующее письмо не является частным... настоятельно советую Вам опубликовать его на заседании ФИДЕ.

Я обращаюсь к Вам с просьбой поставить вопрос моей семьи в повестку дня Генеральной Ассамблеи ФИДЕ, что уже было предложено группой европейских стран.

(Часть предложения после запятой была зачеркнута

мною, хотя, действительно, австрийская федерация своевременно предложила внести вопрос моей семьи в повестку дня. — В.К.)

Я напоминаю Вам, что в ноябре 1978 года была выпущена петиция делегатам ФИДЕ, которая была подписана представителями 38 стран — членом ФИДЕ с просьбой обсудить положение моей семьи на конгрессе. Мне не разрешили ознакомить делегатов ФИДЕ с ее содержанием. Я напоминаю, что в некоторых демократических странах желание одной трети членом парламента становится автоматически предметом обсуждения.

Вопрос моей семьи, который получил уже освещение во всей мировой прессе, хотите Вы или нет, стал теперь в моральном аспекте самой важной проблемой ФИДЕ. Обсуждая различные вопросы — приема новых членом в ФИДЕ, введения новых правил на первенстве мира, или присвоения новых международных званий — каждый делегат держит в уме мое дело, помня жестокость ФИДЕ, ее нежелание помочь разрешить личный насущный вопрос одному из ведущих гроссмейстеров мира.

Последние несколько лет ФИДЕ пытается (с успехом!) представить себя независимой от голоса мировой прессы. ФИДЕ игнорирует мировое общественное мнение. ФИДЕ пытается не обращать внимания на охватившую весь мир борьбу за гражданские права и не реагирует никак на эту борьбу.

Это опасная тенденция, господин президент. Наоборот, ФИДЕ с каждым годом все более теряет свою независимость, превращаясь в самую бесполезную организацию, в высшей степени зависимую от нескольких влиятельных лиц. Обман, несправедливость, отсутствие демократии, фальшивый дух коллаборационизма царствуют в стенах ФИДЕ, закрытых от посторонних взглядов.

Только с этой точки зрения можно оценить абсолютно

несправедливую декларацию по поводу моего поведения, которая была принята на Бюро ФИДЕ в Граце в феврале 1979 года, где без перечисления фактов, игнорируя мнение всемирной прессы, я был обвинен в плохом спортивном поведении.

Я знаю, Вы лично не присутствовали на собрании, когда была выработана и проголосована эта декларация. Я очень настаиваю пересмотреть эту декларацию на Генеральной Ассамблее.

Может случиться, что рано или поздно моя семья, которая переживает сейчас сильнейшее давление со стороны советских властей, намеревающихся посадить в тюрьму моего сына, благодаря усилиям парламентариев всех демократических стран, будет освобождена...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта книга была готова давно, но я не спешил ее издавать. В феврале 1980 года я послал письмо А.Карпову. Я извещил его, что написал книгу о нашем с ним матче. Я уверил его, что издание этой книги ни в коем случае не принесет ему позитивного публицити. Я предложил — в случае, если моя семья в ближайшее время будет отпущена из Советского Союза, не публиковать ее.

Одновременно я послал письмо члену Политбюро ЦК КПСС, одному из 14 правителей громадной страны К.Черненко. Я вырвал из книги пять страниц — наименее содержательных в шахматном отношении, но политически самых острых, и приложил их к письму. Товар лицом! Я информировал Кремль, что собираюсь опубликовать эту книгу не менее, чем на 9 языках общим тиражом около 500 тысяч экземпляров.

Существует знаменитая, лицемерная по форме и содержанию, фраза Ленина: "В теперешней России каждая кухарка должна учиться управлять государством!" Людям, ворочающим судьбами сотен миллионов людей, для которых полмиллиона — сущий пустяк, я пояснил, что мои книги читают чаще не кухаркины дети, а люди, управляющие государствами.

Я предложил не публиковать книгу, если моя семья получит свободу... Вскоре я рассказал о своей акции в шахматном кругу. "Да это же шантаж!" — воскликнул с оттенком презрения в голосе один западногерманский гроссмейстер. Я остолбенел. Человек, который знает меня десятки лет, который лично знаком с членами моей семьи, обвиняет меня в неджентльменском поступке!

Господина гроссмейстера-либерала не коробит от факта, что советское и восточногерманское государства торгуют своими людьми, как рабами, он не испытывает угрызений совести, что члены семьи его коллеги-гроссмейстера ни за что ни про что стали каторжанами. Наоборот, ему стыдно за коллегу-гроссмейстера, который для того, чтобы спасти свою семью, опустил до уровня шантажистов из стран Комекона...

Да поймите же, господа либералы! Добрым словом, уговором, упреком от советских ничего не добьешься! Со всем, что скопилось в их руках — одушевленное или неодушевленное, благоприобретенное или награбленное — они даром не расстанутся. Не отдадут они добром ни Курильских островов, ни И.Корчного или Б.Гулько, ни золота мадридского банка — ничего!

Мое обращение к советским не имело прямых последствий. Парень, неумолимый и недоступный резонанс, — А.Карпов мне не ответил, как это принято у них, у советских. С письмом в Кремль я имел частичный успех. "Человек с ружьем" подписал "уведомление о вручении". Но член По-

литбюро не удостоил меня ответом. Но похоже, что мое письмо в Кремль не пропало. Оно изучается, оценивается бюрократами с Красной площади. Взвешиваются "за" и "против". Жандарму мира есть о чем подумать...

История и почитатели шахмат всего мира никогда не простят вам Вашей бессердечности. Она будет пятном как на Вашей репутации, так и на престиже ФИДЕ, и никакие благие помыслы не смоют его.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Предыстория матча	9
Накануне матча	15
Первые очные конфронтации	29
Начало матча. Первые сюрпризы	42
Обстановка накаляется	51
Я сломлен. Матч близится к концу. Перерыв	67
Чудеса в решетке	83
Бурный финал	93
Заключенис	116
Послесловие	119